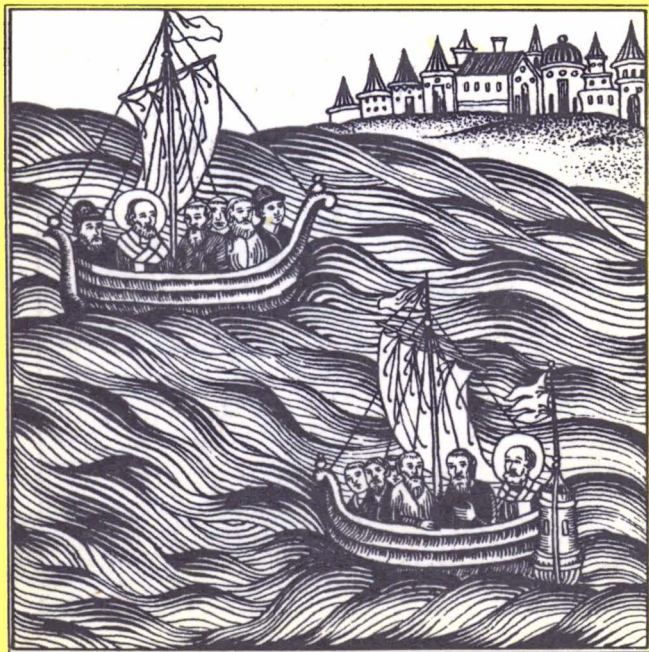
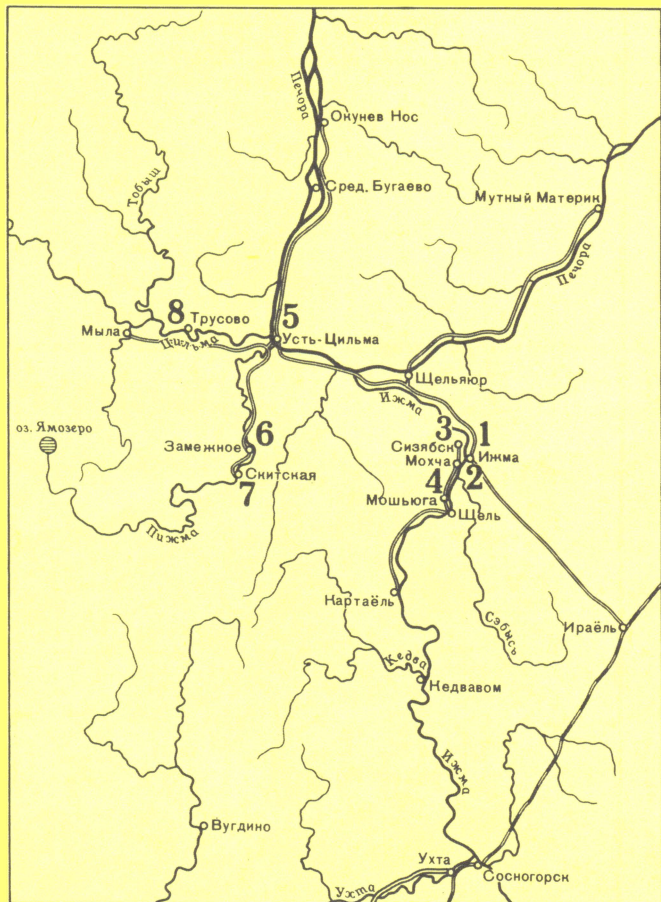

ПО НИЖНЕЙ ПЕЧОРЕ

1. Преображенская церковь в селе Ижме. 1803—1828
2. Дом в селе Мохче. Середина XIX в.

3. Окно дома в селе Сизябске. XIX в.
4. Колокольня в селе Мошьюге. 1884

5. Лицевая рукопись. XIX в.
6. Пижемские ложки

7. Резной крест на кладбище в деревне Скитской
8. Амбар в селе Трусове. XIX в.

ПО НИЖНЕЙ ПЕЧОРЕ

Г. П. ГУНН

МОСКВА
•ИСКУССТВО•
1979

ББК 85.103(2)1
Г94

Г $\frac{80102-194}{25(01)-78}$ **190-79**

© Издательство «Искусство», 1979 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	6
1. ИЖМА	9
Древняя история Ижемского края (9). Село Ижма (14). Преображенская церковь (14). Характерные для Припечорья жилые дома (20). В Заречье (23). Село Мохча (26). Село Сизябск (32). Село Мошьюга — архитектурный заповедник (40). Художественные предметы быта ижемских коми (50).	
2. УСТЬ-ЦИЛЬМА	56
Основание Устьцилемской слободки (57). Старообрядчество на Печоре (58). Печорская рукописная традиция (61). Деятельность В. И. Малышева (62). В Древлехранилище Пушкинского дома (66). Современный облик Усть-Цильмы (71). Архитектурные памятники прошлого (72). Устьцилемские народные традиции (75). В местном краеведческом музее (77).	
3. ПИЖМА И ЦИЛЬМА	83
Река Пижма (83). Деревня Замежная и ее ложкари (86). Как режутся и расписываются пижемские ложки (90). История Великопоженского общежительства (96). Путь в деревню Скитскую (98). На месте бывшего скита (99). О Пижме и пижемцах (101). Река Цильма и ее роль в истории Устьцилемского края (108). Село Трусово (110). Деревня Филипповская (115). Народная мастерица И. Ф. Бобрецова (118). Умелец-косторез М. Х. Колбин (119).	
4. ПУСТОЗЕРСК	123
История Печорского края с древнейших времен (123). Основание Пустозерска (124). Расцвет городка в XVI—XVII вв. (126). Пустозерские узники. Аввакум Петров (127). Боярин А. С. Матвеев и князь В. В. Голицын (133). Оскудение городка (135). Свидетельства путешественников XIX в. о Пустозерске (136). Впечатления автора (147). Современный вид исторического места. Памятник г. Пустозерску (150).	

*Светлой памяти
Владимира Ивановича Малышева,
замечательного ученого-археографа,
собиранителя и исследователя
Печорского рукописного наследия*

С чувством душевного трепета приступаю я к написанию этой книжки. Она посвящена памяти Владимира Ивановича Малышева. Он благословил меня на сей труд, он стал бы его первым читателем и критиком.

Имя В. И. Малышева, доктора филологических наук, заслуженного деятеля культуры РСФСР, известно славам многих стран. Весь русский Север объехал Владимир Иванович в поисках древних рукописей, собрал и опубликовал немало уникальных материалов. Но наиболее значительные находки были сделаны ученым в Печорском крае. К настоящему времени Печорское рукописное собрание Древлехранилища Пушкинского дома в Ленинграде насчитывает около девятисот номеров (из общего фонда в семь тысяч). Это результат самоотверженной деятельности самого Владимира Ивановича, его сотрудников и учеников.

Столь обширные рукописные находки дали право ученому сделать вывод о существовании самобытной печорской книжной культуры. «Мы имеем право утверждать, что в Усть-Цилемском крае, «на конце света», как в старину говорили о Печоре, в этом едва ли не самом глухом районе царской России, в XVIII—XIX веках было своеобразное «культурное гнездо»¹, — писал В. И. Малышев.

Но очевидно, что «культурное гнездо» не может возникнуть на пустом месте. Край этот должен иметь свою историю, свое художественное творчество.

История Печорского края, действительно, увлекательна и интересна. В ней есть все — и баснословие и леген-

*В. И. Малышев
(1910—1976).
Фото*

да, и походы воинских ратей и костры мучеников, и ладьи мореплавателей и топоры землепроходцев...

А вот о художественной культуре Припечорья знаем мы куда меньше. Лишь сравнительно небольшое число памятников архитектуры и произведений народного искусства введено в научный обиход. Почти отсутствуют специальные исследования на эту тему.

Так что же рассказать об этом крае? Ведут ли сюда «дороги к прекрасному»?

Хотя и трижды побывал я на Печоре и даже написал книжку про свое путешествие, но перед созданием художественного путеводителя по нижней Печоре встал в тупик. Удастся ли мне собрать необходимый для такой работы материал? Трудно было поверить, что не удастся, но сомнения были. И я поделился ими с Владимиром Ивановичем.

Как всегда великодушный, Владимир Иванович откликнулся быстро.

«Я что-то не помню хороших образцов деревянного зодчества в Усть-Цилемском и Ижемском районах. Обычные рядовые избы. Церквей деревянных, интересных в архитектурном плане не встречал. Все постройки здесь отличаются обычностью. Это не Мезень и Пинега. Но написать о Печоре следует. Деревни и села расположены красиво, выглядят хорошо. Да и о прошлом есть что сказать. Один Пустозерск чего стоит. Для печорцев характерен и жилой дом. Стоит написать».

И все же я продолжал сомневаться — уже не в материале, в своих силах и возможностях.

Внезапное известие о кончине Владимира Ивановича Малышева прекратило сомнения. Я обязан был написать о Печоре в его память.

В четвертый раз поехал я на Печору, стараясь заметить то, что прежде ускользало от меня. Мне помогал мой друг Юрий Давидович Рыбаков, исполнивший большинство фотографий для этой книги — без его помощи моя поездка не была бы успешной.

Что удалось нам увидеть и найти — читатели узнают из дальнейшего, что здесь интересного и значительного — пусть они судят.

Мы же считаем, что только описали и иллюстрировали маршрут путешествия и что на нем возможны еще многие находки. По нашему мнению, тем и прекрасны «дороги к прекрасному», что они предоставляют человеку возможность ощутить себя открывателем и исследователем нового интересного края.

Сам Печорский край велик и обширен и, как утверждают географы, равен по территории целой Франции. Нам предстоит говорить не о всем крае, в который входит бассейн реки Печоры с притоками общей протяженностью в восемь тысяч километров, а о районах нижней Печоры, об Ижме, Усть-Цильме, Пустозерске.

О том, что Печорский край перестал быть «дальним и отлеглим», свидетельствуют многочисленные туристы, посещающие его. Современные средства сообщения и основное на Севере — авиация — позволяют просто попасть в места, прежде не доступные для путешествий.

Мы предлагаем начать путь по железной дороге или самолетом до г. Ухты, или г. Печоры, или столицы Коми АССР г. Сыктывкара, а от любого из этих пунктов вылететь местным рейсом на Ижму. Впрочем, маршрут можно проделать в любой последовательности, начиная с любого из описанных мест.

1. ИЖМА

А выше Чилмы [Цильмы] реки пала
в Печору река Ижма.

Книга Большому Чертежу

Ижма — один из крупнейших притоков нижней Печоры, по реке и главное село в округе; в прошлом — волость, включавшая сорок селений, ныне — районный центр Коми АССР, называется Ижмой, как и вся местность зовется Ижмой, Ижемским краем, а ее жители ижемцами, ижемскими коми.

Еще в недавнее время называли Печору «забытой рекой». Не было сюда иных путей, кроме как морем или по системе северных рек с волоком через водоразделы. Через мезенско-печорский волок шли русские из Заволочья, через вымьско-ижемский путь распространялись коми — население Выми и верхней Вычегды. Исстари так сложилось, что заселение глухого края, самого отдаленного уголка Европы, русскими и коми началось с печорских низовий, причем русское население распространялось вниз по реке, а коми вверх.

Однако русские и коми не были первопоселенцами здешних мест. Древнерусские летописи и некоторые другие источники сообщают о легендарных народах — «печоре» и «югре», с которыми торговали и воевали новгородцы.

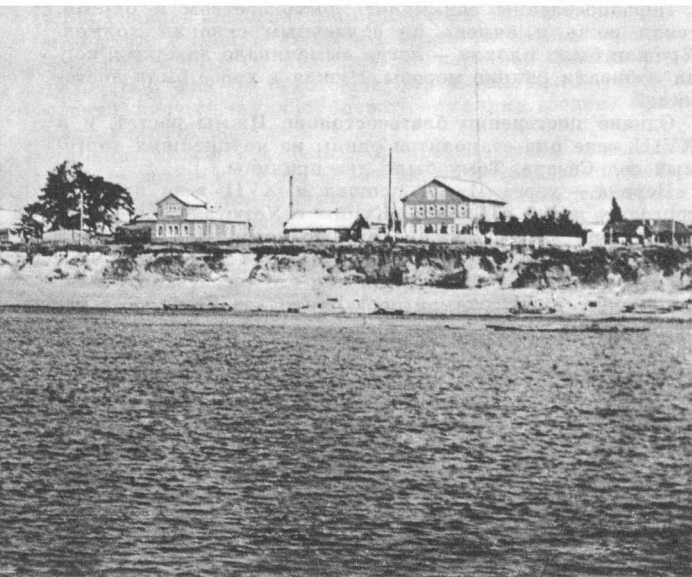
Раскопки древних культур Ижмы отчасти проливают свет на прошлое легендарных жителей нижней Печоры. Всего в долине реки Ижмы от верховий до устья открыто пятьдесят восемь археологических памятников, относящихся к разным эпохам древнейшей истории — от мезолита до раннего средневековья. Найденные кремневые орудия и керамика свидетельствуют о наличии различных археологических культур Ижмы, начиная с III ты-

сячелетия до н. э. Установлено, что Ижемский край населяли представители различных культурно-этнических типов, вплоть до легендарной чуди — чудского племени «печоры», чьим именем будто бы названа река и от которого осталось «чудское городище» на речном мысу на Печоре против устья реки Ижмы — Поганый нос, бывшее жертвенное место (V—XIV вв. н. э.).

С середины XVI века о легендарных аборигенах Печоры уже не встречается упоминаний. В это время начинается освоение края «зело дальнего и отлеглого». На рубеже XV—XVI веков московские воинские люди поставили в низовье Печоры городок Пустозерск. Следом за воинскими ратями на таинственную реку начинают проникать предприимчивые землепроходцы. В 1545 году «сын ноугородцев» Ивашка Ластка с товарищем Власткой основывают Устьцилемскую слободку на реке Печоре. В 1567 году, а по другим данным — в 1575 году, несколько выходцев из Усть-Цильмы переселились на реку Ижму, на Великую

пожню, взяли себе жен из верхневычегодских селений и основали новую слободку. К ним присоединились семьи коми с Вычегды и Выми, а также несколько ненецких семейств. (Есть и другие предания, в которых участие жителей Усть-Цильмы в основании новой слободки отрицается.) Так или иначе, а новая слободка возникла в ста верстах от первой, в шестидесяти — от устья реки Ижмы.

Первоначально Ижемская слободка была зависимой от Устьилемской, однако вскоре обрела самостоятельность. Царские грамоты, данные Ивашке Бабинову (1627 г.) и Фильке Семенову (1649 г.), подтверждают право слобожан на расчистку земель под пашни, на покосы и промысловые угодья.

Ижемская округа заселялась преимущественно коми-зырянами, которые образовали здесь особую этническую ветвь народа коми — ижемских коми со своим языковым диалектом, своими специфическими обычаями.

Первопоселенцы занимались рыболовством и охотой, сеяли рожь и ячмень по солнечным склонам холмов. Урожаи были плохие — когда вымачивало дождями, когда побивали ранние морозы. Нужда в хлебе была постоянной.

Однако постепенно благосостояние Ижмы растет, и в XVIII веке она становится одним из крупнейших торговых сел Севера. Тому было две причины.

Первая — через Ижму прошел в XVII веке один из торговых путей в Сибирь. Купцы с Устюга, Соли Вычегодской по вымьско-ижемскому водному пути попадали в Печору, далее поднимались по Печоре вверх до Усы и по Усе вверх до Рогового городка, где «осеневали», ждали зимнего пути и зимой переходили «за Камень», в Березов, а кто и дальше, до Мангазеи. Шли этим путем не только торговые люди, но и беглые, «бегаючи... от государевых податей, а иные от воровства и от братья от великих долгов». Поэтому на Ижме была учреждена пра-

Село Ижма

←

вительственная таможенная застава, просуществовавшая до 1763 года.

Ижма становится одним из центров пушного торгового приезда московских скупщиков с «сибирскими выходцами». Ижемские купцы в свою очередь торгуют на ярмарочных центрах Вычегодского края — в Усть-Выми, Яренске, Сольвычегодске. Предприимчивые ижемцы проникли во все уголки Севера, их потомки и поныне живут в низовьях Оби, на Кольском полуострове.

Наблюдательный путешественник середины прошлого века, Сергей Васильевич Максимов, на чью книгу «Год на Севере» мы неоднократно будем ссылаться, отмечал «присутствие в характере жителей волости предприимчивости, толковости, находчивости, изворотливости — одним словом, всего, что характеризует коммерческого человека. <...> В последние десятилетия видали малицу ижемца и в Москве, и на нижегородской ярмарке, и в костромском Галиче...»².

Но главной основой благосостояния Ижмы стало оленеводство. Зимой в ижемских лесах со своими стадами кочевали ненцы. От них ижемцы переняли навыки оленеводства, как и некоторые черты бытового уклада: олени нарты, зимнюю одежду — малицу, совик, орнамент меховой одежды.

Ненцы были доверчивы и простодушны, ижемские богатеи ловки и хитры. С бочонками разбавленной сивухи выезжали они в тундру и возвращались хозяевами тысячных стад. Ненцев спаивали, опутывали долгами, в итоге тундра оказалась в руках ижемцев.

«Поедешь ты в Ижму — увидишь там храмы Божие каменными и во всем благолепии; угощать тебя будут по-купецки; станут тебе сказывать, что в Бога веруют, не слушай: врут! Тундра у них грехом на совести давно лежит»³, — говорили на Печоре про ижемцев.

В далекой глуши, в северо-восточном углу европейского континента, затерялась Ижма. Ни на самой Печоре, ни на ближней Мезени каменных зданий не было, а здесь, по словам того же Максимова: «Волость Ижемская, значительно разбогатевшая в недавнее время, имевшая еще в начале нынешнего столетия деревянную церковь (и только в одном селе Ижме), теперь имеет там три богатых, каменных и еще четыре села...» (т. е. еще четыре деревянных церкви в других селах. — Г. Г.)⁴.

Под стать церквям — главенствующим сооружениям сел — возводились и дома владетельных ижемцев. Правда, их строили не из кирпича, а, по северной традиции, из дерева, но на городской манер. Ни в чем не хотели ижемские богачи отставать от города. Еще не во всех уездных городах было электричество, а предприимчивый ижемский купец устроил в 1910 году электростанцию.

Много событий с тех пор отшумело над Ижмой. Была гражданская война. Были годы первых пятилеток, когда через Ижму проходили потоки людей — осваивать ухтинские месторождения. Была Великая Отечественная война — в память погибших стоят в селах обелиски.

Очень многое изменилось на Ижме за шесть десятков лет. Но традиционное направление хозяйства сохранилось, по-прежнему Ижма — важный оленеводческий район Коми АССР. По-прежнему обширные ижемские луга служат базой кормового животноводства. Как и прежде, идет с верховий лес по реке. И хотя появилось много примет нового и рядом со старым храмом поднялась стрела подъемного крана, облик северного села в целом сохранился.

Прилетев на Ижму — а иного пути сюда практически нет, — начнем наше знакомство с краем с районного центра села Ижмы.

Самое старое каменное здание на Ижме, да и во всем Печорском крае, — церковь села Ижмы. Начата постройкой в 1803 году (по другим данным — 1806), окончена в 1828 году. Церковь большая, двуххрамовая: нижний храм — Преображенский (зимний), верхний — Ильинский (летний).

Церковь строилась долго — четверть века. Очевидно, тем временем существовала старая деревянная церковь. И поныне место ее угадывается в церковной ограде — это прямоугольная площадка, по периметру поросшая соснами и лиственницами, — ближе к берегу реки. О старой ижемской церкви есть упоминание в статье архангельского жителя Трепицына «О российских селениях в самоедской стране», помещенной в части четвертой «Путешествий академика Ивана Лепехина»: «Церковь в Ижме одна, во имя Преображения Господня, с приделом Ильи Пророка, деревянная, воздвигнутая в 1776 году; при ней колокольня деревянная ж, но высокая и искусно построенная»⁵.

Очень соблазнительно утверждать, как делают некоторые исследователи⁶, что это и есть известная по репродукциям «церковь в Ижме» XVII века (причем для убедительности дату 1776 переправляют на 1676). Увы, это бесспорно не так. Та церковь находилась в другой Ижме, не в Коми крае, а близ Архангельска.

Зато бесспорное изображение старой ижемской колокольни можно видеть в первом томе «Живописной России» (Спб., М., 1881), посвященном Северному краю. Это высокий восьмериковый сруб на низком подклете-четверике, пролет звонницы раскрыт, завершение шлемовидное со шпилем — традиционная форма северной колокольни XVIII века. Эта колокольня была разобрана в 1860 году за ветхостью.

Так и останется для нас неизвестным, какой была старейшая ижемская церковь. Ее преемница хотя и долго строилась, но строилась прочно, известку разводили на твороге (по местной легенде).

Проект храма, как полагалось, был заказан губернскому архитектору и утвержден духовной консисторией. Хотя проект не сохранился, но бесспорно, что исполнен он был в традициях зрелого классицизма, о чем свидетельствует

*Колокольня в селе Ижме.
XVIII в. Старая гравюра*

и осуществленная постройка. Планировка четкая, простая: прямоугольник притвора и трапезной, квадрат храма и крупная апсида полуциркульного очертания. Здание кирпичное, оштукатуренное снаружи и внутри, междуэтажное перекрытие — балочное, по столбам, верхний храм бесстолпный, перекрыт сомкнутым сводом. Снаружи, по северному и южному фасадам, четверик храма выделен декоративным портиком с полуколоннами, над фронтонным прорезаны круглые люкарны — второй свет верхнего помещения. Оконные проемы значительной величины, прямоугольные, с полуциркульным завершением, без отделки. Фронтоны и карнизы украшены модульонами.

Судя по этим элементам, можно заключить, что перед нами произведение провинциального классицизма, но чем больше всматриваешься в здание, тем больше ощутима двойственность его облика: архитектурные идеи классицизма столкнулись здесь с традициями народного деревянного зодчества. Иначе говоря, идея вертикального ре-

шения побеждает идею горизонтального членения здания. Главенствующим в объеме здания является храмовый четверик. Хотя он и выделен портиками (которые хочется сравнить с поздней обшивкой деревянных церквей в «классическом» духе) и имеет сверху скошенные углы, монолит его напоминает деревянные прототипы — срубы кубоватых церквей, как и покрытие барочной формы напоминает кубоватые покрытия. На кровле водружен массивный восьмигранный деревянный световой барабан с крупной главой.

Столь крупная глава с чешуйчатым покрытием неприемлема для классических построек, но естественна в деревянном зодчестве. При близком рассмотрении памятника барабан с главой представляются излишне грузными, но на удалении, благодаря своему завершению, постройка приобретает четко выраженный столпный силуэт. Народные мастера при возведении здания дополнили по своему проект архитектора-классициста.

*Преображенская церковь
в селе Ижме.
1803—1828*

←

*Шестистенный дом
в селе Ижме.
Вторая половина XIX в.*

→

В целом получилось грузно, но внушительно. Ижемские олениводы могли гордиться своим храмом — второго такого на всем Севере не было.

Внутри храм был расписан стеной живописью. В верхнем помещении сохранился резной пятирусный иконостас.

Была построена и отдельно стоящая трехъярусная каменная колокольня со шпилем (1833—1835), не сохранившаяся. По описанию, колокольня была украшена дорическими портиками, имела высоту 24 сажени (около 50 м).

В 1862 году невдалеке от каменного храма была возведена деревянная пятиглавая летняя Успенская церковь. Это здание, хотя и перестроенное, существует поныне.

С давних времен вытянулось село на два-три километра по набережной и двум параллельным улицам, ныне улицам Советской и Хатанзейской. В Ижме немало старых домов, относящихся к прошлому веку, но, к сожалению,

лишь немногие из них сохранили свой первоначальный облик. Хотя и не возводилось здесь каменных жилых зданий, но состоятельные хозяева старались обшивать свои дома и окрашивать их охрой, дабы придать им городской вид. К тому же, на протяжении столетия многие дома перестраивались, поновлялись, а в последнее время стали покрываться шифером.

Дома в селе, особенно в центральной его части, почти все большие, в два этажа, соответствуя северному типу «двужирной» избы («двужирной», или «двужильной», т. е. в два жилья, на Севере и поныне называют двухэтажную избу). Такие дома чаще бывают двух видов — шестистенок и пятистенок. В Ижме мы встретим оба этих вида (так называемая «изба-двойня» менее характерна для здешних мест).

Типичным для Ижмы шестистенком является жилой дом второй половины XIX века в центре села (Советская ул., 46). Прежде всего обращает на себя внимание его просто и скупое решенный уличный фасад, обладающий тем не менее статностью и выразительностью. Дверной проем расположен в простенке, перед ним невысокое открытое крыльцо. Характерно также небольшое число окон по главному фасаду. Объясняется это тем, что дом ориентирован на запад. На боковой, южной, солнечной стороне жилые помещения имеют по три окна. Жилой была правая, южная изба. Нижнее помещение с низким потолком, традиционной русской печью служило кухней. В запечном пространстве — так везде в печорских двужирных избах — устроена лесенка в верхнее помещение — теплую горницу с печью-голландкой.

В левой части дома, в подклете (кум, по-коми), помещается темная кладовая, над ней — холодная горница, где можно жить летом. Промежуток между срубами служит сенями, откуда есть двери во все помещения, лесенка на второй этаж и выход в крытый двор.

Крытые дворы с нижним хлевом и верхним сенником некогда были неперменной принадлежностью северного крестьянского жилища. Ныне, когда отпала надобность в содержании лошадей и большого количества скота, «стая» — хозяйственная пристройка обычно разбирается либо сокращается. Поэтому многие северные дома, не на одной Ижме, стоят теперь без «стай».

В рассматриваемом нами доме сохранились как традиционная северная планировка, так и тесовое покрытие с водостоком на курицах и резные причельные доски. Заметно, что украшение жилищ на Ижме гораздо скупее,

*Пятистенный дом
в селе Ижме.
Вторая половина XIX в.*

чем, скажем, на соседней Мезени: порезка проста, отсутствует охлупень. Ничем не выделено крыльцо, так же как и слуховое окно. Дом производит впечатление самим своим силуэтом, рядами серых лиственничных бревен. Он ставлен прочно, сурово, без затей, отвечая суровому климату Приполярья.

Двужирный пятистенок, также типичный для старой Ижмы, стоит по Хатанзейской улице, 40. В селе немало похожих домов, но большинство из них обшито тесом и покрыто шифером. В нем тоже нет особенных красот, но есть своя статность и добротность. Так же сложен он из отборной лиственницы и так же ему за сто лет. Его старину определяешь уже издали по далекому выступающему выносу кровли.

У этого пятистенка входные проемы расположены по обоим боковым фасадам. По уличному фасаду — двенадцать окон. Они соответствуют четырем жилым помещениям. Внутренняя планировка традиционна: нижние по-

*Дом в селе Ижме.
1886*

мещения с русской печью, верхние — с голландкой. В таком доме жила большая семья.

Похожие пятистенки можно увидеть и в других северных местах. Часто дома украшались фронтовыми росписями, фантастическими цветами под выносом кровли. Всего этого мы не встретим ныне на Печоре. Путешественники прошлого (С. В. Максимов, Н. Д. Голицын) свидетельствуют о наличии таких росписей, но к настоящему времени они утрачены.

Украшенные фасады сохранились у более поздних по времени домов, построенных на городской манер. Примером может служить дом 1886 года по Советской улице, 17. Некогда это был дом богатого купца, которому не было надобности соединять жилище с хозяйственными пристройками — они стояли отдельно, образуя усадьбу. Двухэтажный дом с вышкой (характерный для Ижмы конца прошлого века) по фасадам украшен наличниками накладной резьбы близко расположенных больших окон.

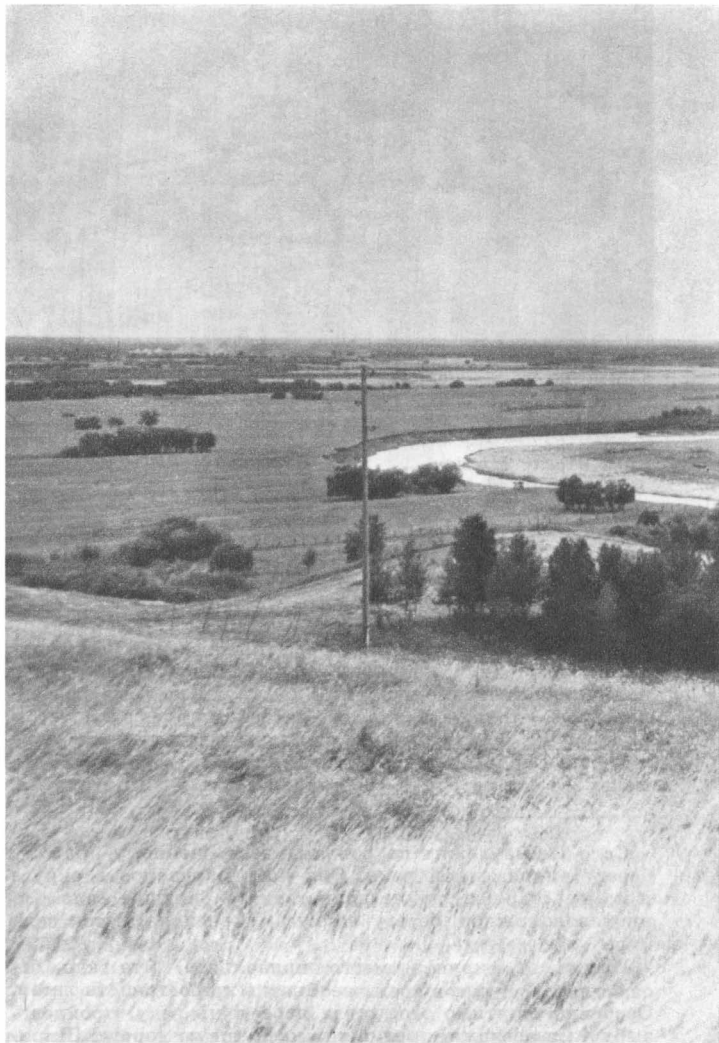
*Дом в селе Ижме.
1902. Ныне здание
Райисполкома*

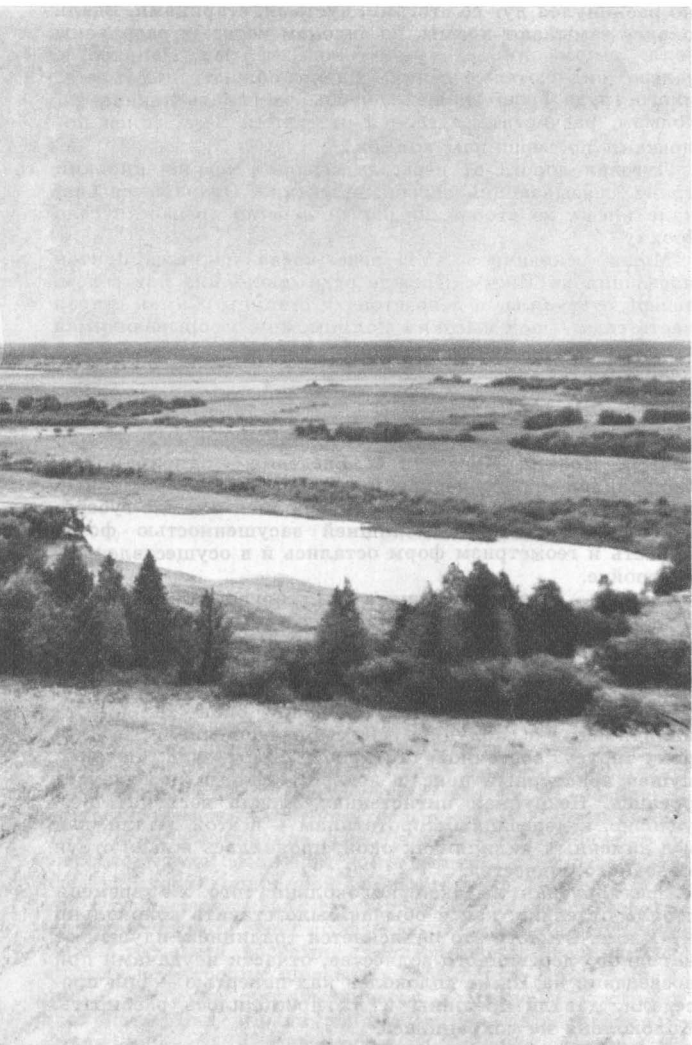
*Ижемские заречные
луга
→*

Похож на него и дом 1902 года (ныне здание Райисполкома), тоже двухэтажный с вышкой, с обилием окон с наличниками. Такие нарядные дома, украшенные с затейливостью, стоящие в далеком северном селе, куда летом и дорог не было, должны были вызывать удивление у жителей Печорского края, как и каменные церкви, питая молву об Ижме как о своего рода столице Припечорья.

Село Ижма лежит по ровному возвышенному правому берегу одноименной реки. Оно хотя и главное в округе и самое старшее, но не единственное большое село. На противоположном берегу за лугами располагаются села Заречья.

Ижемская округа — место привольное. Это как бы оазис полей и лугов среди необъятных пространств лесов. Особенно ощутимо это, когда переедешь реку, пройдеши зыбучими песками и вступиши на луговую дорогу. Широ-

ко раскинулся луг со стогами, кустами, старицами. Вдали округу замыкают холмы, по склонам которых распаханы поля: летом они зеленые, осенью желтые. Направо и налево виднеются селения. Давно обжиты эти места, много труда было вложено, чтобы распахать новины по холмам, расчистить луга,— и отступили леса, синие полосками по вершинам холмов...

Луговая дорога от переезда выводит нас на широкий тракт, связывающий заречные селения. Отправимся сначала влево, во второе по значению и по древности село Мохчу.

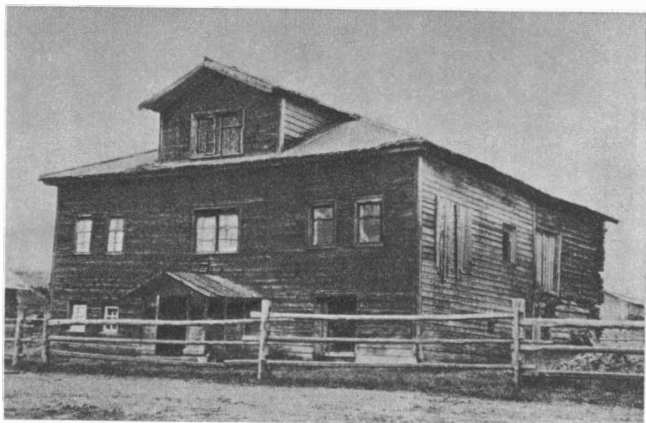
Мохча основана в XVII веке, когда усилился приток населения на Ижму. Прежде река проходила под селом, теперь отступила, и село стоит у старицы. Самая старая часть села — под высоким холмом, круто обрывающимся к воде отвесной щелью, напоминающей мезенские и пинежские откосы.

Мохча, большое и богатое село, соперничавшее с Ижмой, построила свой каменный храм в 1830 году. В отличие от ижемской мохченская церковь Вознесения с приделами Иоанна Предтечи и Введения — однохрамовая. Сохранился проект церкви и колокольни, утвержденный духовной консисторией. Проект исполнен в стиле губернского классицизма с излишней засушенностью форм. Сухость и геометризм форм остались и в осуществленной постройке.

Церковь сильно вытянута по горизонтали за счет низкой удлинненной трапезной. Бесстолпный двусветный четверик храма перекрыт сомкнутым сводом и увенчан был двухъярусным барабаном с главкой. Боковые фасады здания четко членятся пилястрами. Сухость силуэта отчасти смягчало скупое украшение окон каменными наличниками с полуциркульным завершением. По второму ярусу восточной, алтарной стены, над апсидой, пущен аркатурный пояс, в котором некогда помещалась роспись. Некрупная пятистенная апсида восходит, безусловно, к деревянным прототипам — в этой детали, как и в каменных наличниках окон, проявилась живая струя народного зодчества.

Трехъярусная высокая колокольня того же времени стояла отдельно, как в обычае было ставить колокольни на Ижме. Отчасти это объясняется традицией, идущей от народного деревянного зодчества, отчасти неудачами при возведении на Ижме колоколен над папертью — они проседали, давали трещины и их приходилось разбирать. Колокольня не сохранилась.

*Дом с «вышкой»
в селе Мохче.
Вторая половина XIX в.*

В Мохче, как и в других крупных ижемских селах, мы увидим немало добротных двухэтажных домов, есть даже огромный деревянный трехэтажный дом, принадлежавший до революции местному купцу (ныне в нем помещается средняя школа). Распространенный тип домов, как везде, пятистенок и шестистенок. Как на их разновидность укажем на тип «дома с вышкой».

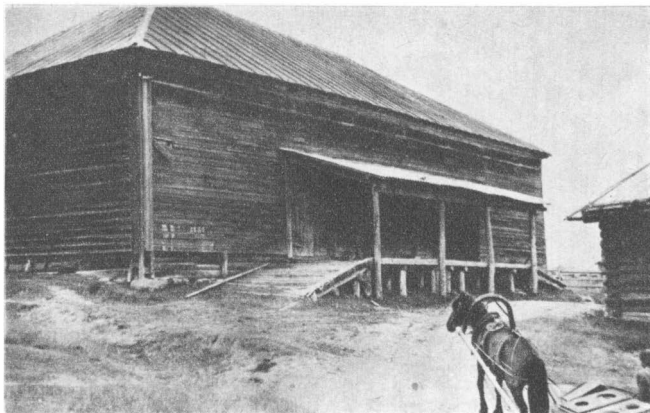
На прежней окраине села (теперь село значительно выросло) стоит особняком дом с вышкой. Датировать его следует второй половиной прошлого века. Это шестистенок с характерным для старых ижемских домов небольшим количеством окон по фасаду. Он прочно обшит толстыми тесовыми досками, так что окна и двери оказываются в глубоких проемах. Украшений дом начисто лишен, если не считать низкого крыльца, крытого на два ската. Вид его хмурый, пожалуй, даже угрюмый. Глядя на него и неискушенный зритель скажет, что такой дом мог возникнуть только на дальнем Севере.

*Дом «с узорами»
в селе Мохче.
Конец XIX в.*

Перед домом широкая площадка. Быть может, в давние времена служил он постоянным двором, и зимой к жердям забора привязывались олени аргиши?

Зато про другой дом с вышкой конца XIX века (ныне в нем помещается управление совхоза) никто не скажет, что он имеет суровый северный вид. В отличие от украшенных домов ижемских купцов мохчинский дом сохраняет конструктивные основы двужирного пятистенка, но в нарядности им не уступает. Его окна, и даже слуховые, чердачные, украшены красивыми резными наличниками (такие наличники — редкость на Ижме). Дом аккуратно обшит и выкрашен, причем угловым венцам и выступам бревен пятой стены придан вид своего рода рустованных пилястр. Городское влияние также проявляется в форме покрытия «вышки», в полукруглых завершениях окон и в беседке-балкончике, устроенной над крыльцом.

*Общественный амбар
в селе Мохче.
Конец XIX в.*

*Село Сизябск
→*

Любопытной деталью многих ижемских домов являются круглые отверстия под выносом кровли, некоторые даже с полочками. Сделаны эти отверстия для голубей, которых много в ижемских селах. Зато обычной домашней птицы мы не увидим ни в ижемских, ни в других печорских селах. Не услышишь здесь на деревенской улице горластых петухов. Хоть и бывает благодатным и порой жарким короткое северное лето, да зима в Приполярье слишком сурова.

Климат многое объясняет в бытовом укладе ижемцев. Так и обшивка домов делалась не только ради ложной красоты, но и для утепления жилища. С климатом связано и своеобразие сельского хозяйства. Мы упоминали об оленеводстве и оседлом животноводстве — основе благосостояния Ижмы. Хуже было с хлебом. Урожай и в удачные годы были ничтожные — сам-четверт. Поэтому хлеб был привозной и дорогой. Для хранения запасов привозного хлеба на случай неурожая в ряде от-

даленных мест Севера строились общественные амбары. На поморском Севере их называли «магазеями». До сих пор сохранились «магазеи» в Сумском посаде, на Кожозере, в Ертомe на Удоре. Есть такой амбар и в Мохче.

По традиционному типу такого рода сооружений, это значительных размеров сруб под высокой крышей на четыре ската. Перед широкими дверями под навесом устроен бревенчатый настил, куда может свободно въехать лошадь с телегой. Амбар обшит и некогда был окрашен — плоскость стен белым, а карниз суриком. Для проветривания амбара вверху прорезаны специальные отверстия — продухи. В нижней, подпольной части также сделаны продухи, дабы уберечь сруб от загнивания. В облике этого сооружения, хотя и менее древнего, чем другие «магазеи», есть внушительность и простота. Он стоит особняком, на возвышенном месте, отделяясь от других сельских построек. Так всегда ставились общественные амбары, дабы обычное бедствие сел в старину — пожары — не коснулось их.

Продолжим наш путь по селам Заречья. Ниже села Мохчи расположены два других, тоже известных ижемских села — Бакур и Сизябск.

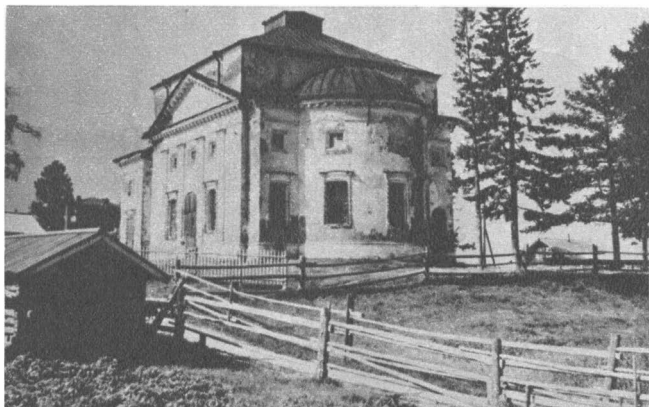
В Бакуре примечательных построек мы не найдем, но само село расположено живописно, на высоком холме, с которого открываются виды на просторные ижемские луга, на реку и село за рекой.

Дорога с холма спускается вниз, поднимается ввысь, минуя деревеньку, снова сходит вниз, и впереди открывается село Сизябск, по своему местоположению, пожалуй, самое красивое из ижемских сел.

И сама Ижма и Мохча лежат плоско, растянуто, в то время как Сизябск расположился среди всхолмленного ландшафта. Дома тесно облепили склоны холмов, создавая издали впечатление маленького деревянного городка. Да и названо село, как городок, словом мужского рода — Сизябск.

Сизябск, как и Бакур, основан столетием позже Мохчи. Село быстро разрослось, разбогатело на оленеводстве и, не желая отстать от соседей, тоже построило каменную церковь.

Строительство Благовещенской церкви в Сизябске начато в 1843 году, но в 1846 году при поднятии креста купол со сводом обрушился. Достроена церковь в 1854 году. Возникла она позже каменных церквей в Ижме и Мохче, и художественный облик ее, пожалуй, более выразителен. Способствует этому впечатлению и удачная

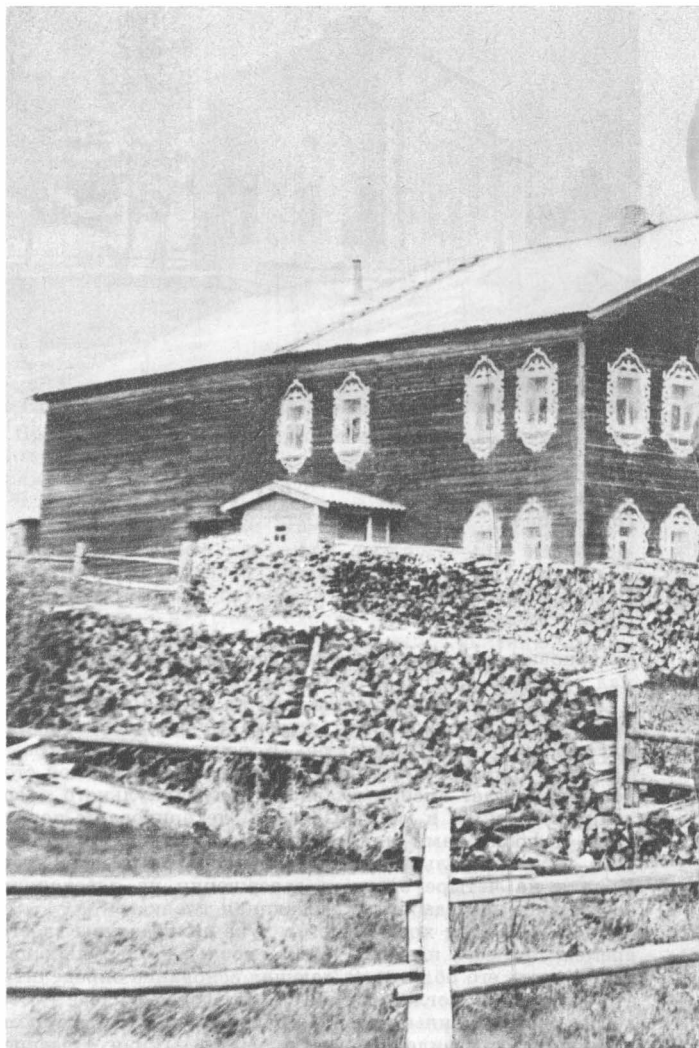
*Благовещенская церковь
в селе Сизябске.
1843—1854*

*Дома в селе Сизябске.
XIX в.
→*

постановка здания на возвышенности, господствующей над селом.

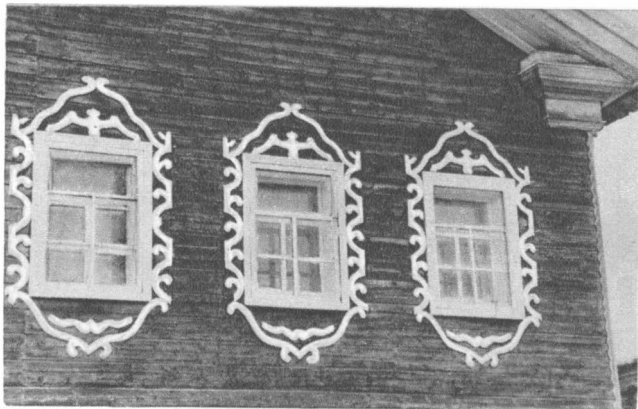
Церковь меньших размеров, чем ижемская или мохченская, но пропорционально решена лучше, соотношение масс здания более компактно. К основному кубу храма с запада примыкает небольшой притвор, с восточной стороны прилегает апсида плавного полуциркульного очертания. Северный и южный фасады декорированы портиками с фронтонами и плоскими пилястрами. Окна второго яруса — фальшивые. Перекрытие храма сводчатое. Кровля на четыре ската, в завершении на деревянном четверичке некогда была деревянная главка.

По виду и этот храм решен в духе архитектуры своего времени, но есть и в нем деталь, хотя и не нарушающая целостность его облика, но дающая основание определить, что это здание могло возникнуть только на Севере — это декор окон. Оконные проемы декорированы каменными наличниками в виде колонок с перехватами и с раскре-

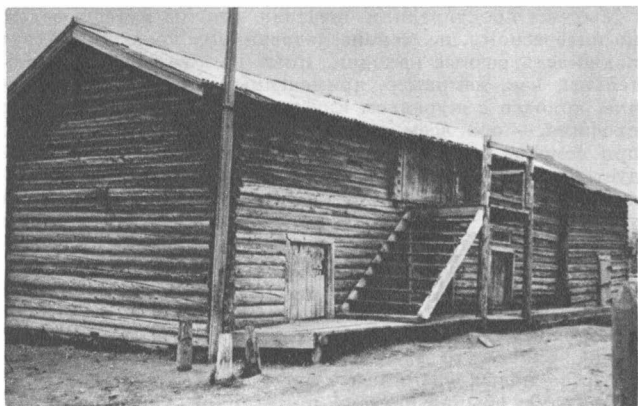

*Окна дома в селе
Сизьябске. XIX в.*

пованным карнизом вверху. Пусть это не то богатое узорочье, каким прославлены белокаменные постройки Севера, но традиция идет от них. Очевидно, строители знали узорочье Устюга и Сольвычегодска, да и сами могли быть из тех земель — ведь своих каменных дел мастеров на Ижме не было.

Село Сизьябск, как говорилось, живописно расположено на холмах, рассеченных ложбинами, в нем нет строгой планировки. В то время как другие ижемские села строились с ориентацией на реку, Сизьябск сгруппировался из рядового порядка домов, фасады которых смотрят на южную, солнечную сторону. Кое-где рядовая застройка переходит в уличную, а кое-где и беспорядочна. Село расположено на пересеченной местности, и применительно к рельефу возводились дома.

В Сизьябске преобладают пятистенные двужирные дома. Выделяются они своей статностью и добротностью, строгим, без излишеств обликом. Лишь у двух домов села

*Амбар в селе Сизябске.
XIX в.*

окна украшены наличниками. Наличники выполнены в технике накладной резьбы: фигурно вырезанные дощечки, набитые на обшивку дома вокруг окон. И наличники и оконные переплеты ярко выбелены, отчего скупая, серая поверхность обшитой тесом избы кажется необычайно богатой, нарядной, хотя техника исполнения наличников проста до чрезвычайности — удачен сам их рисунок по мотивам местного орнамента.

На фотографиях северных деревень мы нередко видим огромные поленницы (как на фото дома с наличниками). Необходимость больших запасов дров на Севере очевидна. Но поленницы не набросаны кое-как, они расчетливо поставлены возле домов, входят составной частью в деревенский архитектурный ансамбль. Хорошо сказал об этом исследователь северного народного искусства А. Чекалов: «В хорошем хозяйстве... даже поленница, сложенная из ровных березовых плах, выглядит архитектурным сооружением»⁷.

Мы уже предупредили читателя, что мы путешествуем по интересному, но малоисследованному краю. Нас будут поджидать разные находки. Иные из них вовсе незначительны, как, например, примеченный на околице амбарчик, колодец с журавлем или резная «курица» красивого профиля, — обо всем автор сказать не в состоянии, но при осмотре северной деревни пренебрегать ими не следует. Так, мне думается, заслуживает внимания двухъярусный хлебный амбар в Сизябске. Хотя он и не такая уж древность — XIX век, — но построен по древним образцам, обладает статью и рубка его по-своему красива. Любопытен и каменный амбар того же времени.

Путешествовавший по Северу, по нашей «деревянной Руси», знает, что в больших селах, где ведется строительство новых зданий, а старые перестраиваются и обновляются, обычно немного памятников. Гораздо больше

*Обетный крест
в деревне Косъёль. 1925.*

→

сохраняется их в отдаленных селениях. Так и на Ижме. Чтобы увидеть наиболее интересные памятники деревянного зодчества, нам предстоит совершить двадцатикилометровый путь вверх по реке в село Мошьюгу.

Проедем уже знакомую нам Мохчу, далее будут деревни Косъёль, Гам. В Косъёле на деревенской улице стоит обетный крест, пожалуй, единственный сохранившийся в ижемской округе. Прежде таких крестов было много, но они рушились от времени и уже не возобновлялись. Ставились кресты по случаю избавления от падежа скота. На Ижме, в животноводческом крае, падеж скота был великим несчастьем, равносильным неурожаю, потому так памятно было избавление от бедствия. Лучшие образцы обетных крестов поныне сохранились на Мезени, там они украшены резьбой, порой высокохудожественной. На Ижме резьба была более скромной. На косъёльском кресте на верхних перекладинах вырезан канонический титул Христа, а на столбе — «знаки страстей» и криптограммы: КТ,

*Лиственничная роща
у села Мошьюга*

РБ, ГН, СМ, ПП, БК, ГГ, а также указана дата «лета 1925 месяца марта в 30 день» (в пересчете со славянских литер). Крест крыт на два ската со скромной порезкой по причелинам.

Дорога спускается с холмов и идет лугом недалеко от реки. Дальняя дорога, а не скучная: то становище косарей встретится, то пасущееся стадо, то река блеснет, то луговое озерко.

На околице Мошьюги путника встречает светло-зеленая лиственничная роща. Роща невелика, стоит у обрывистого берега реки. Это — природная достопримечательность не одного только села, но и всей ижемской округи. Роща эта заповедная, охраняемая неписанным законом — никто здесь даже ветку не сорвет.

Лиственница окружена на Севере особенным почитанием. Она дает прочную, долговечную древесину. Из нее рубились церкви и дома, простоявшие столетия. И само дерево красивое, с мягкой пушистой хвоей, золотеющей

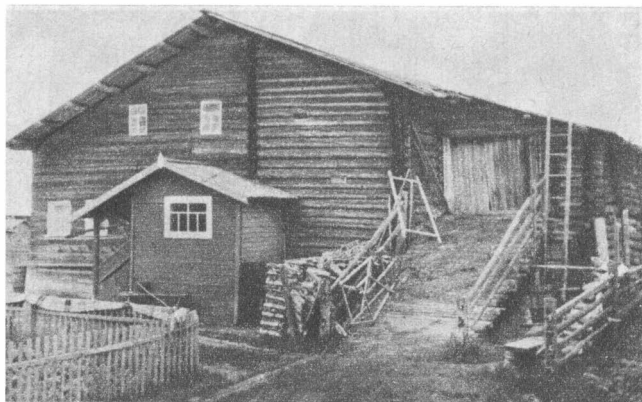

Улица села Мошьюга

осенью и нежно зеленеющей весной. В северных деревнях обычно нет зелени — слишком много леса вокруг, но лиственницы всегда оберегаются. Так и въезд в Мошьюгу, как ветлами в среднерусской полосе, окаймлен лиственницами. Молодые и старые деревья растут и возле других домов.

По документальным данным, Мошьюга основалась в XVIII веке. В то время, вместе с ростом населения, осваивались новые места вверх и вниз по реке. Где было пригоснее место, там и селились. Река давала рыбу, неоскудевшие леса — зверя и птицу. Была здесь дальняя, забытая лесная деревушка, каких много возникало по рекам и речкам земли Коми...

Избы первопоселенцев ставились рядком вдоль берега, лицом к реке, озадками к лесу. Население прибывало, ставился второй ряд изб, также лицом к реке, озадками к лесу. В дальнейшем рядовой порядок застройки сменился уличным: дома приречного ряда повернулись озадками

*Дом в селе Мошьюге.
1790*

к реке, окнами друг на друга. Но сохранившийся самый старый дом села нарушает принцип уличной застройки.

Это жилой дом Ф. Ф. Филиппова. В памяти сельчан сохранилась его дата — 1790 год. Если дата верна, то это одна из самых древних известных нам жилых деревянных построек на Севере. Поначалу дом не производит особенного впечатления. Он обшит, поновлен, обезображен крыльцом-тамбуром. Но, присмотревшись, замечаешь его необычность, непохожесть на уже виденные нами более поздние типы ижемских домов.

Дотоле нам встречались крестьянские постройки, у которых крытый двор располагался за избой. У этого дома его жилая часть и крытый двор со взвозом располагаются по торцовому фасаду, причем изба приходится на южную сторону, то есть более светлую и теплую.

Очевидно, что это древнейший из известных нам типов печорского жилища. Исследователь народного зодчества И. В. Маковецкий относит подобный тип дома к «дому

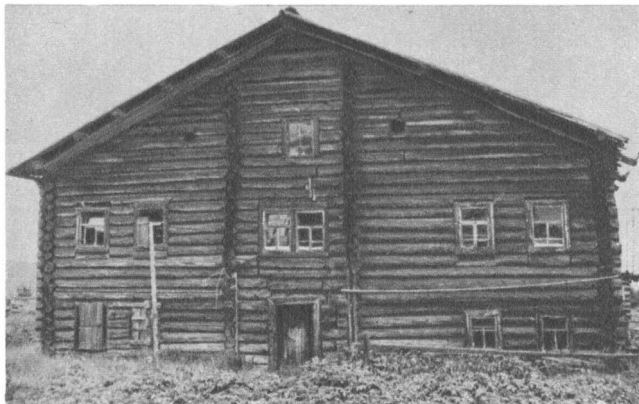

*«Двужирный» дом
«кошелем» в селе Мошьюге.
Первая половина XIX в.*

кошелем», имевшему распространение на нижней Печоре: «Дома... имеют конструктивно монолитный сруб, покрытый ровными скатами кровли, придающими полную симметрию всему объему. Их внешний облик прост и суров. Здесь не строят балконов и обходных галерей, высоких крылец и богатых резных наличников. Количество окон на главном фасаде колеблется от двух до трех, а с боковой стороны их еще меньше. Жилые срубы имеют незначительные габариты и стоят на низких подклетах. Художественную обработку имеют только некоторые элементы кровли (потоки и «курицы»)...

Тяжелые условия жизни печорских крестьян — «зябли» на поле, недороды на лугах, «неплоды» во дворе — ограничивали народное зодчество прежде всего выполнением чисто утилитарных задач. Главным стремлением печорского плотника было сделать избу теплой, сруб двора прочным, прикрывающим от леденящего северного ветра стены жилого помещения. Именно этим объясня-

*«Двужирный» шестистенок
в селе Мошьюге.
Середина XIX в.*

ется известный аскетизм крестьянских построек, отсутствие художественно обработанных элементов в их архитектуре»⁸.

Подобный тип дома пришел к ижемцам из соседней Усть-Цильмы, где имел широкое распространение. «Ижемский дом возник не только под влиянием русской культуры, но и при прямом участии русских»⁹, — пишет исследователь народного зодчества коми Л. Жеребцов.

За прошедшие без малого два века дом неоднократно перестраивался и поновлялся. Так, прорублены окна на чердаке, где оборудована летняя горница — «вышка». Окна избы расширены и добавлены новые. Крытый двор перебирался и перекладывался, что заметно по заднему фасаду. Тем не менее основная масса сруба осталась без изменений, дом стоит прочно, не скосившись. Зайдя в сени, можно увидеть седые от времени крупные бревна, такие же, из каких в старину ладились церкви. Способствовало сохранности дома и то, что он поставлен на фундаменте

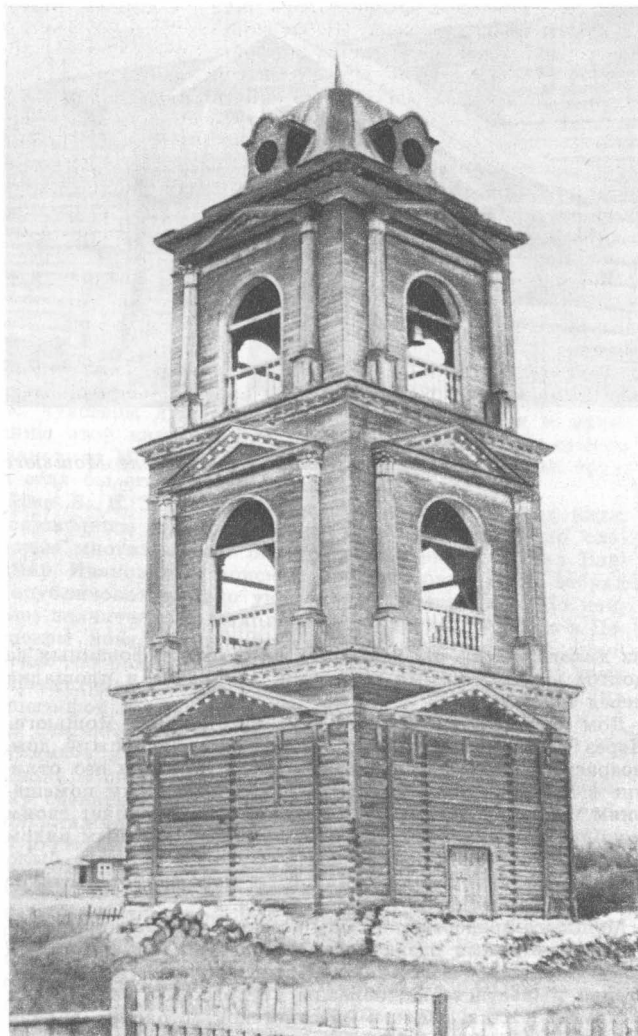

Крыльцо дома в селе Мошьюге

из дикого камня. Из каменных плит, отшлифованных за долгое время многими ступнями, выложена и площадка перед крыльцом.

Дом рассмотренного нами типа не одинок в Мошьюге. Через улицу, во втором ряду стоит другой схожий дом, возрастом лишь немногим помоложе. Главное его отличие в том, что он двужирный и хозяйственным помещениям отведено еще меньше места. Дом впечатляет своим монолитным силуэтом, скупым, но выразительным рядом темных лиственничных бревен. Некогда у дома было крыльцо с верхней площадкой, о чем свидетельствует сохранившаяся дверь второго этажа.

Мошьюга предоставляет нам возможность ознакомиться со всеми этапами развития ижемского жилого дома. Тип дома «кошелем» в дальнейшем был вытеснен типом пятистенка и шестистенка, образцы которых мы уже видели в других селах. Однако шестистенок, стоящий вблизи мошьюгской церкви, нельзя обойти вниманием. Он тоже

один из старейших домов такого типа на Ижме — около середины прошлого века. Новых конструктивных особенностей мы в ней не найдем, но приметность его облика бесспорна. Дом статен и добротен (учтем, что он значительно «врос» в землю, так что окна нижнего этажа приходится почти на уровень земли). В левом нижнем помещении некогда размещалась лавка. Вход, как обычно у шестистенок, располагается по главному фасаду. За давностью лет не сохранилось почти никаких декоративных деталей: причелины исчезли, уцелело лишь несколько «куриц». Как можно заметить, сдвоенные окна второго этажа над нижней дверью устроены на месте проема двери, к которой вело, очевидно, высокое крыльцо. Подобные шестистенки с высоким крыльцом по лицевому фасаду характерны и для близкого к Ижме району реки Выми.

Архангельский губернатор Н. Д. Голицын, побывавший на Ижме в 1887 году, отметил распространенный здесь

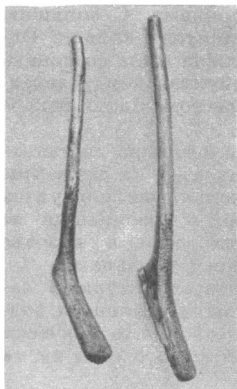
*Колокольня в селе
Мошьюге. 1884*

←

тип шестистенных изб с высоким крыльцом: «Каждая такая изба состоит из двух половин, соединенных между собой сенями; вход в сени с крыльца, расположенного на лицевой стороне избы, причем крыльцо строится на столбах, так как пол и окна самой избы находятся довольно высоко от земли. К крыльцу сбоку приделывается лесенка, сверху же оно покрывается крышами или остается непокрытым»¹⁰.

Крыльцо всегда было украшением северного жилища, однако большинство крылец со временем исчезло. Иные разобрали по ветхости и заменили крытыми тамбурами. Но в Мошьюге, этом архитектурном заповеднике, все-таки сохранилось одно крыльцо старой конструкции. Оно не украшено резьбой, как украшались крыльца в других северных местах, но традиционную форму сохраняет. Крыльцо поставлено на четыре столба, перекрыто на два ската. Перила глухие, зашитые досками. Перед крыльцом было дощатое предместье.

Пáтку — сумка оленевода

*Кичиги — палки для
обмолота зерна. XIX в.*

Мошьюга иллюстрирует нам не только историю ижемского гражданского зодчества. Есть здесь и любопытный памятник культового зодчества.

Глухая деревушка в XVIII веке, Мошьюга росла и в XIX веке стала селом. Как всякое село, она должна была иметь свою церковь. Церковь здесь была построена во второй половине прошлого века. Большого интереса она не представляет. Гораздо интереснее ее колокольня.

Построена она в 1884 году из лиственницы взамен сгоревшей. Мошьюга не была таким богатым селом, как Ижма, Мохча, Сизябск, и каменную церковь с колокольней построить не могла. Но и отставать от других мошьюгские жители не хотели. И местные плотники срубили деревянную колокольню — точную копию каменной мохчинской колокольни. И надо признать, что копия получилась удачной и, пожалуй, интереснее своего образца.

Колокольня трехъярусная. Рубка тщательная, «в лапу», без выпускных концов. Каждый ярус выделен пристав-

ным декоративным портиком с колоннами. С большим искусством вырезаны коринфские капители колонн. Отделка карнизов сухариками тоже должна была создавать иллюзию каменного сооружения. Выпуклая четырехскатная кровля завершалась шпилем с крестом. Даже люкарны воспроизвели мастера на кровле.

Нельзя не поразиться мастерству плотников, поставивших такую громаду и так сложивших друг на друге три сруба, что почти за сто лет колокольня не погнулась и не покривилась. Известен мастер, руководивший ее возведением, — Канев из Краснобора, села в низовье реки Ижмы. Это — памятник ижемским умельцам.

Как видим, Мошьюга — поистине архитектурный заповедник, своего рода местный музей деревянного зодчества под открытым небом. Его необходимо всячески беречь и популяризировать — другого такого села ни на Ижме, ни на всей Печоре нет.

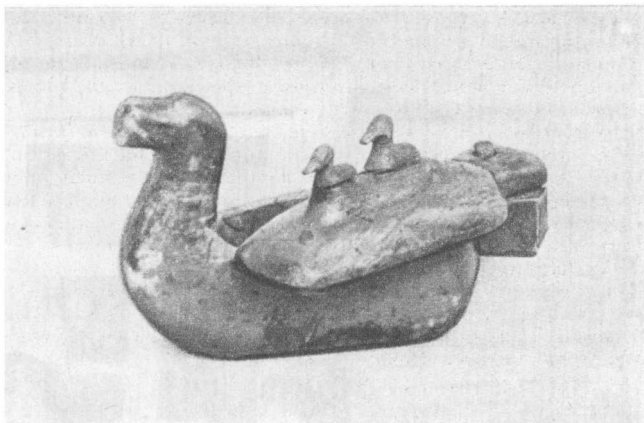
В повседневном быту жителей ижемских сел и деревень до сих пор встречаются самые разнообразные предметы старого крестьянского обихода. На поветях иных домов можно увидеть ладно сработанные легкие нарты — сани для езды на оленях. Гостеприимные хозяева (а коми — гостеприимный народ) покажут вам образцы зимней одежды — малицы, совики, пимы. И поныне используются в быту изделия из бересты и щепы — туеса, пестери, короба, корзинки и др.

Наиболее полное представление о народном искусстве ижемских коми можно получить в Краеведческом музее села Ижмы, куда мы вернемся из наших походов.

Краеведческие музеи существуют почти во всех районных центрах Севера. Как и другие музеи подобного рода, ижемский создан на общественных началах стараниями энтузиастов, местных краеведов. Конечно, он невелик и не столь изобилен экспонатами, как «профессиональный» музей, но о природе, об истории, о культуре своего края свидетельствует достоверно.

Есть простодушная трогательность в таких местных собраниях. Порой музей напоминает кунсткамеру, где соединены диковинные предметы разного рода. В ижемском музее мы увидим и бивень мамонта, и наконечники стрел из картаельских раскопок, и тут же подзорную трубу из Лондона, принадлежавшую местному купцу (между прочим, купец этот, Матафтин, был действительным членом Русского географического общества).

*Солоница-угица.
XIX в.*

*Женщины в национальной
одежде из села Ижмы*

→

Но интереснее для нас образцы народного искусства, и особенно те, которые характерны для Ижмы.

Такова, например, патку — хозяйственная сумка оленевода. Сумка сшивалась из оленьей кожи, иногда окрашенной в красный цвет, завязывалась она замшевыми тесемками. Патку украшались оленьим мехом и мехом нерпы. Из цветного меха с добавлением цветной тесьмы выкладывался на сумке характерный «олений орнамент»: крестики-рога символизируют оленей, а ромбики — человека.

Большие сумки-патку брали с собой в поездку на оленьей упряжке, патку меньших размеров девушки захватывали на посиделки, женщины, идя в гости к соседке, с рукоделием. У ижемских модниц были и маленькие «дамские» сумочки, величиной с мужскую рукавицу, назывались они тучу.

Всегда в народе существует потребность украсить, орнаментировать поверхность повседневных бытовых предметов. Так, даже кичиги — палки для обмолота зерна —

украшены мелкой орнаментальной насечкой. Палки эти (напоминающие по форме хоккейные клюшки) вырезались из ствола и сука березы и использовались как цепи на току. По рассказам старожил, молотба происходила осенью и всегда в темное время. Связано ли с этим обычаем какое-либо поверье — неизвестно. Очевидно, короткий осенний день едва давал время управиться за светло по хозяйству, а на молотбу оставалась ночь. При чем истари велось так, чтобы сосед помогал соседу. Вот тут, при встрече, можно было показать друг другу свои ладно отделанные кичиги с затейливым узором и проверить их в работе. За каждым бытовым предметом ожидают картины народной жизни.

Как и везде на Севере, в повседневном быту ижемцев использовались берестяные туеса разных форм, от больших, ведерной вместимости, до маленьких баночек с крышечками. В домашнем обиходе для хранения мелких предметов и монет использовались шкатулки с выдвигаемыми крышками, украшенные насечкой. Солоницы на Севере во многих местах делались в форме утиц. Ижемский мастер, как видно на фото, усадил на спину утицы — крышку солоницы — двух утят. Такую солонку, по обычаю, дарил отец дочери-невесте на свадьбу, утята были прозрачным намеком.

Многие из предметов старого ижемского быта стали музейными экспонатами, но народная одежда по всему нижнему Припечорью до сих пор не сдана в музей. В отдаленных деревнях женщины и поныне ходят в традиционных сарафанах, а по торжественным случаям — в праздники или на свадьбу — надевают старинные праздничные наряды. Правда, надевают наряды люди пожилые, старушки. У них эта одежда бережно хранится в сундуках, этим бабушкам праздничный наряд достался еще от их бабушек. Если в соседней Усть-Цильме и молодые женщины и пожилые до сих пор шьют себе традиционные наряды для народного гулянья, на «горку», то на Ижме все наряды подлинно старинные, из старой ткани.

...Три пожилые женщины-соседки в праздничный день оделись по-праздничному и за разговором занимаются рукоделием — обшивают пимы. Женские пимы шьются из белого меха с отделкой черным мехом и полосками яркого сукна, мужские пимы — из черного меха с белой отделкой. Это яркая группа. На двух женщинах с краю алые кофты (сос, по-коми) из камки. На них сиреневые сарафаны, поверх сарафана передник, или фартук, яркой

расцветки. Для придания одежде пышности, под сарафан надевается до трех нижних юбок. Сарафан обшит кромчей — черной бахромой с бисером. На голову надевается кокошник, прошитый золотыми или серебряными нитями, а поверх — шаль с цветами. Красивая шаль имела немалое декоративное значение в наряде, и поныне на Печоре ценятся старинные расписные платки, которые некогда привозили чердынские купцы, «печорские хозяльцы». На шее у женщин серебряные или золотые цепи. Столь богатое убранство бытовало только на Ижме. На голове крайней справа женщины укреплен юрной — налобная повязка из красного сукна, вышитая бисером, жемчугом и блестками. В орнаменте использован солярный и антропоморфный мотивы. Надет юрной этой пожилой женщиной в нарушение правил только потому, что попросил фотограф. Обычно юрной надевался женщиной лишь раз в жизни — невестой на свадьбу. И пока две женщины шьют, третья рассказывает автору этих строк о старых ижемских свадьбах, про сватанье, зарученье, венчанье, гулянье...

Так в рассказах старых людей, в костюмах, в предметах быта, в старых зданиях предстает перед нами прошлое Ижмы с ее своеобразной культурой, с традициями, которые и поныне существуют в жизни народа, ибо нет народа без традиций.

Тот, кто побывает на Ижме, несомненно, многое добавит к нашему рассказу, и есть что: мы не говорили ни о селах в низовье реки Ижмы, ни об ижемских селах по печорской луке до Усть-Усы. Наша задача, повторяем, проложить первую тропку. Тропка эта не кончается Ижмой. Теперь нам предстоит перебраться, точнее — перелететь, в знаменитую Усть-Цильму, на самую матушку-Печору.

2. УСТЬ-ЦИЛЬМА

А на усть Чилмы [Цильмы], с правой стороны Печоры-реки, посад, на посаде погост Никола чудотворец.

Книга Большому Чертежу

«Чужая сторона, блудясь спознавать», — говорит старинная устьцилемская пословица.

Опасаясь и я: как бы не заблудиться мне в устьцилемской старине и новизне, не упустить чего-то важного. Осознаю свою ответственность: места эти связаны с деятельностью В. И. Малышева. Была у Владимира Ивановича мечта, так и не осуществленная, — написать историю Усть-Цильмы, и как жалко, что нет такой истории, и как горько, что нет в живых великолепного знатока устьцилемского края...

Об Усть-Цильме говорить — почти что сказ сказывать.

Места печорские были известны русским людям издавна. Известен был и путь на Печору. Он шел с низовий Мезени, по ее притоку Пезе, по притоку Пезы Рочуге и далее через волок на реку Цильму, впадающую в Печору. Не только пушные и рыбные богатства края привлекали древних хожальцев на Печору. Издавна ходили слухи о богатстве печорских недр. Двинской Летописец под 1428 годом сообщает, что грек Манойла Лариев со товарищами ездил к Печоре и нашел на реке Цильме медную руду. В 1491 году по велению Ивана III в Печорский край отправились два немца — Иван и Виктор с Андреем Петровым и Василием Болтиным, имея приказ искать серебряную руду. Через семь месяцев они возвратились с известием, что нашли серебряную и медную руду. «Сие важное открытие сделало государю величайшее удовольствие, и с того времени мы начали сами добывать, плавить металлы и чеканить монету из своего

серебра», — пишет Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского»¹¹. Однако рудное месторождение оказалось небогатым и дальнейшие разработки были прекращены.

Как выше упоминалось, в 1542 году новгородский уроженец Ивашка Дмитриев сын Ластка с товарищем Власткой прошли с нижней Мезени печорским волоком, спустились речкой Цильмой и против ее устья на правом берегу Печоры, под горкой, «на гари» — где лес выгорел — облюбовали место для жилья.

Бил Ивашка челом перед московским Грозным царем, и была пожалована ему грамота в 1545 году (дата эта считается датой основания Усть-Цильмы, хотя впервые пришел Ластка на Печору в 1542 г.): «Се аз, Князь Великий Иван Васильевич Всея Руси, пожаловал есми слободчика Ивашка Дмитриева сына Ноугородцева по старой его жалованной грамоте, что мне бил челом, а сказывал, что на Усть-Цильме реке от нижнего конца Чухчины горы до островков вверх по Печоры реки по обе стороны до Усы реки, да по обе стороны Цильмы реки до Косы реки, да по Пижме реке, да по Ижме реке, по обе стороны до Великой пожни, да по Печоре реке пески рыбные ловища и меж теми реками речки малые и озерки; по тем местам лес, дичь и мхи, болота, соколы и кречатьи садбища, а пашен, де ни покосов и рыбных ловищ на тех местах исстари нет ничьих никаких и от пашенных людей от двинских и от пинежских, те речки и соколы садбища отошли далече, верст за пятьсот и больше, и на те реки и на пески, на рыбные ловища и на соколы и кречатьи садбища у того Ивашки грамота слободская копити ему на меня, Великого Князя, слободу, а с песков и рыбных ловищ и с соколых и кречатьих садбищ мне, Великому Князю, даст с году оброку по кречету или по соколу, а не будет кречета или сокола, ино за кречета или за сокола оброку рубль...»

Иван Грозный повелел слободчику Ивашке «на том месте и впредь жити и двор ставити и людей призывати, жити и копити на меня, Великого Князя, слободу», а также наделил Ивашку и правами местного самоуправления: «А наместники наши пинежские и их тиуны того Ивашку и тех его слобожан не судят ни в чем, опричь душегубства и татьбы с поличным, и кормов своих у них не емлют и не высылают к ним ни по что, а придвечики и доводчики поборов своих у них не берут и не въезжают к ним ни по что, а ведает и судит тех своих слобожан Ивашко сам во всем»¹².

Иван Дмитриевич Ластка стал, таким образом, на Печоре своего рода удельным князьком. Завистники Ивашки, пинежане — кеврольцы и чакольцы, оспаривали его права на печорские владения и готовы были перекупить их у московского правительства, но после тяжбы права остались за слободчиком уже с оброком шесть рублей в год вместо одного рубля первоначально. Безусловно, московское правительство было более заинтересовано в освоении дальних земель, чем в сохранении необжитых промысловых угодий.

Новая слободка начала «жить и копиться». В 1547 году была поставлена церковь Николы Чудотворца. Первопоселенцы ставили дворы, заводили земледелие и скотоводство, ловили рыбу, белую и красную, занимались пушным промыслом, били бобра (тогда еще водились бобры). Население росло медленно, принимали далеко не каждого пришельца. Старые слободчики считали охотничьи угодья и рыболовецкие тони наследственными владениями и, принимая новопоселенца, оговаривали себе третью часть его добычи. К началу XVII века в Усть-Цильме было всего шестнадцать дворов, а через сто лет после основания, в 1647 году, тридцать восемь дворов.

Жизнь была голодная и немирная. В платежнице 1575 года об Усть-Цильме говорится: «...они те пашенки в иной год пашут, а в иной год и не пашут, потому что морозом убивает»¹³. Кочевые племена карачеев, недовольные наложенной на них данью, «ясаком», часто нападали на печорские селения. Воинственные карачеи, называемые в документах XVII века «тундряная воровская самоядь», разоряли Пустозерск, Усть-Цильму, Ижму. От голода и набегов в XVII веке запустели печорские селения.

Новая миграционная волна в Печорский край в конце XVII — начале XVIII века связана с историей раскола. «Беглецы веры» уходили от преследований в глухие печорские дебри. Немалое значение для приверженцев старой веры имел тот факт, что на Печоре, в Пустозерском остроге, был мучим в заточении и казнен огнем великий расколоучитель Аввакум с «союзниками».

Расстраивается сама слободка, которая к началу XIX века становится самым людным селом на Печоре. Возникают новые русские деревни вниз по Печоре, поселения по притокам — Пижме и Цильме. Особенно была облюбована «беглецами веры» дикая речка Пижма, по которой выше порогов появляются деревни, возник известный в истории старообрядчества Великопоженский

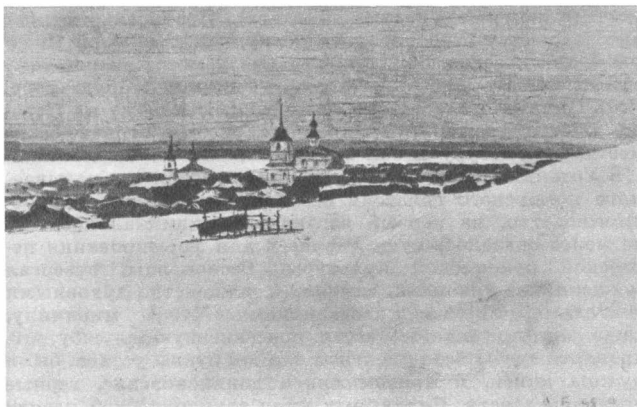

скит (о нем — в следующей главе). Правительственные преследования старообрядцев коснулись и далекой Печоры — трагическое Великопоженское самосожжение тому примером. Но гонения только укрепили старую веру. Усть-Цильма стала «старообрядческим гнездом» на Печоре. Обстоятельство это наложило особый отпечаток на местную культуру и быт прошлого.

В Устьцилемской округе укрепился раскол так называемого поморского согласия беспоповского толка. Это обстоятельство, на первый взгляд непринципиальное, тем не менее оказалось существенным для формирования печорской рукописной культуры. Беспоповцы, отвергая священников-никониян, заменяют священство духовными учителями, мирянами-наставниками. Чтобы мирянину, даже знатоку текстов, вести повседневную службу, отправлять требы без изменения единой буквы устава, были нужны книги, и притом книги дониконовские, верные древнему завету. Подлинных книг дониконовской печати и рукописей было немного, а новых книг по старым образцам не печаталось, поэтому приходилось обходиться переписыванием книг. Из Выгорецкой обители, с которой у печорцев была связь, приходили благословенные старообрядческими учителями рукописные книги, с которых составлялись местные списки. Переписка книг стала важным явлением культурной жизни Усть-Цильмы. Она в значительной степени способствовала распространению грамотности среди населения.

В. И. Малышев, говоря о своеобразном «культурном гнезде» в Усть-Цильме XVIII—XIX веков, отмечал: «Оно имело свои, только ему присущие особенности, свои разнообразные вкусы и запросы. Пусть в основе они были отсталыми и односторонними (защищали старообрядческую идеологию), но они приучали жителя глухих печорских лесов любить и ценить книгу и знания»¹⁴.

Путешественники XIX века не обошли Печорский край и, в частности, Усть-Цильму своим вниманием. В 1837 году по «высочайшему повелению» совершил путешествие к северо-востоку европейской России академик Александр Шренк. В 1840 и 1843 годах по своей воле путешествовал по Печоре зырянский купец Василий Николаевич Латкин, исследовавший природные богатства края. В 1855—1856 годах по поручению Морского министерства объехал весь русский Север писатель-этнограф С. В. Максимов. Все они не миновали Усть-Цильмы, и впечатления их безрадостны. Картины тяжелого труда, бедности, унылого существования встают со страниц их записей.

*Село Усть-Цильма.
Этюд А. Борисова*

С. В. Максимов в своей знаменитой книге «Год на Севере» так описал облик Усть-Цильмы середины прошлого века: «Дома, все до единого, расшатало бурными ветрами со стороны моря и огромной Большеземельской тундры, всеми пургами, хивусами, заметелями, куревом и размыло проливными весенними и осенними дождями. Нет <...> ни одного слобожанина, на которого можно было бы указать как на достаточного, не говоря богатого. Повсюдная бедность, вопиющая бедность! Между тем нет ни одного селения (исключая толковой Ижмы), в котором была бы сильнее развита грамотность, как в Усть-Цильме. Здесь, естественно, как и во всех других местах России, надо искать причину в расколе, сильно развитом во всей волости»¹⁵.

Свидетельства позднейших авторов, таких, как архангельский губернатор князь Н. Д. Голицын (путешествовал в 1887 г.) или ссыльный врач С. В. Мартынов¹⁶, мало что прибавляют к вышеприведенному описанию.

К безрадостной картине прошлого можно только добавить, что Усть-Цильма, как и подобные отдаленные места, служила до революции местом ссылки. Тот же С. В. Максимов рассказывает о своей встрече в Усть-Цильме с ссыльным грузинским князем Евсеем Осиповичем Палавандовым. Князь был интересным человеком, в молодости видел Пушкина, знал Грибоедова, слышал про Бестужева-Марлинского. Его воспоминания о Пушкине, записанные Максимовым, любопытны как свидетельство стороннего человека о внешнем облике поэта.

Если не все образованные люди в прошлом попадали на Печору добровольно, то петербургский студент Андрей Владимирович Журавский стал «добровольным ссыльным». В начале нашего века он основал в Усть-Цильме опытную сельскохозяйственную станцию с целью выведения в Приполярье морозоустойчивых культур. Наряду со своим главным делом Журавский занимался широким изучением Печорского края. В частности, его интересовала этнография ненецких народностей, он собирал предметы их быта¹⁷.

Среди тех, кто занимался в прошлом изучением и освоением Печорского края, мы можем назвать немало достойных имен: географов, геологов, писателей, предпринимателей (как В. Н. Латкин, М. К. Сидоров). Их деятельность энтузиастов-одиночек была высокоблагородна, но малоуспешна. Так или иначе, они вписали свои имена в историю Печоры.

Но сам народ, жители Печоры, той же Усть-Цильмы, устьцилемы, как они себя называют, что они свидетельствуют о своем прошлом? Пока что мы слышали голоса ученых и путешественников, а сами печорцы? Очевидно, голоса их должны были сохраниться в устном и письменном народном творчестве.

На рукописную печорскую традицию первым обратил внимание тот же наблюдательный путешественник С. В. Максимов. Он отметил: «...богатство здесь старинных памятников письменности... Они свято хранятся здесь на тяблях, в чуланах и крепких сундуках за замком не как вещи, имеющие ценность, как нечто старое, пережившее много столетий, но как материал для поучения и чтения назидательного, усладительного, душеполезного. Пишущему эти строки удалось видеть свежие, недавние копии, целыми томами большого формата, со старопечатных книг и целые сборники-книги, которые поразительны по той разносторонней пытливости и любознательности, с какими старались записывать печорские

грамотеи все, что могло интересоваться их и насколько позволяли то делать небогатые, относительно, средства»¹⁸.

Строки эти были, конечно, известны этнографу и фольклористу Н. Е. Ончукову, побывавшему в начале нашего века на Печоре. Нижняя Печора, в частности Усть-Цильма с окрестностями, дала ему материал для знаменитых «Северных сказок» и «Печорских былин». Ончуковым было положено начало изучению печорского фольклора, благодаря ему впервые ожила и заговорила печорская старина. Ученый оставил также исследование быта устьцилемских староверов¹⁹. Успеху Ончукова в фольклорных находках сопутствовал неуспех в археографических начинаниях. Ему удалось повидать некоторые крестьянские библиотеки, однако приобрести рукописи оказалось затруднительным делом. Слишком сильны были вековые традиции: по понятиям староверов не то что продать, даже показать заветную книжку чужому человеку считалось грехом.

А между тем рукописная традиция продолжала существовать на Печоре и в начале XX века. В двадцатом веке здесь еще сохранялся семнадцатый! Повсеместно книжная продукция не мыслилась помимо печатного станка, а здесь, как встарь, писцы-каллиграфы макали глухариное перо в разведенную печную сажу. По их понятиям, переписка книги была духовным подвигом.

Удаленность края, патриархальность быта, консерватизм традиций — все это закрывало ход к печорским книжным богатствам. Печорский книжный ларец оставался запечатанным.

Новое время принесло на Печору новые перемены. Начиналось промышленное освоение края. В 30-е годы вступают в строй ухтинские нефтепромыслы и воркутинские угольные шахты. Много новых людей появляется на дальней Печоре. Старый печорский быт уходит в прошлое.

В 20—30-е годы на Печоре работали экспедиции этнографов и фольклористов, собравшие немало ценных материалов, но поездки археографов, собирателей старых рукописей, не предпринимались. Существовало убеждение или предубеждение, что все основные тексты древнерусской литературы известны науке, и новых находок не предвидится. Конечно, найти новые рукописи возможно, но открытия это не сделает.

В те годы только один человек не разделял эту точку зрения — студент-филолог В. И. Малышев. Из книг С. В. Максимова, Н. Е. Ончукова он знал, что Печора —

«сторона книжная», и в 1934 году на свой страх и риск в одиночку отправился в далекое путешествие.

Замысел молодого человека был дерзновенным и, пожалуй, фантастическим. Он знал печорскую легенду о том, что протопоп Аввакум перед казнью раздал жителям Пустозерска свои книги, и решил отправиться по следам своего любимого литературно-исторического героя в Пустозерск и его окрестности.

В ту первую поездку в Пустозерск и последующие предвоенные поездки в Усть-Цильму Владимир Иванович не нашел автографов Аввакума и не сделал иных выдающихся находок, хотя и собрал некоторое количество рукописей, — пока это была только разведка. Находки были потом. Так всегда бывает, когда человек приступает к делу с верой и любовью.

Великую Отечественную войну Малышев прошел боевым капитаном, командиром батальона, а после войны стал сотрудником Пушкинского Дома (Института русской

*Сборник Андрея Денисова.
XIX в. Фронтиспис.
Институт русской
литературы АН СССР,
Ленинград*
→

литературы АН СССР в Ленинграде), который оставался его родным домом до самой кончины. С 1949 по 1968 год В. И. Малышев возглавлял большинство экспедиций Пушкинского Дома по русскому Северу. Всего, вместе с довоенными поездками, он побывал на Печоре сорок четыре раза.

Беседуя с Владимиром Ивановичем, я задавал ему вопрос, как удалось ему распечатать печорский книжный ларец? Конечно, Печора давно не та, что была во времена Ончукова, но некоторые старые обычаи и предрассудки не исчезают быстро. Я бывал сам в Усть-Цильме, на Пижме, знал стариков, которые держали иконы за занавесочкой, давали напиток из особой, «мирской», чашки, это были кондовые люди, которые так просто дедову книгу не стали бы отдавать.

Владимир Иванович на этот вопрос не мог прямо ответить — да и как ответить в двух словах? Он просто рассказывал разные случаи. Разговаривая с ним, я убеждал-

ся, что он знает не только все деревни по Пижме и Цильме, но и почти каждого взрослого жителя. И его также знали во всех устьцилемских окрестностях. Он был своим человеком на Печоре. Со многими людьми его связывала подлинная дружба.

Я думаю, причины успеха Владимира Ивановича не только в его личных качествах, но и в том, что потомки печорских грамотеев видели в нем великого книжного знатока, убеждались в его бескорыстии, самоотверженности ради книжного дела. Они видели в нем хранителя памяти их дедов, человека одного с ними склада по увлеченности своим делом, по чистоте помыслов.

Последних печорских книжников Владимир Иванович застал еще в живых. Они сообщили ему немало сведений, по устьцилемской рукописной традиции, о своих знаменитых предшественниках. Об этих людях, печорских стариках, Владимир Иванович вспоминал с нежностью. «Это были замечательные люди, благородные идеалисты, в лучшем смысле слова,— говорил он и добавлял:— Я бы хотел, чтобы меня похоронили рядом с ними, в Усть-Цильме». Хотя пожелание ученого не сбылось — В. И. Малышев похоронен в Ленинграде, — но душа его навеки осталась там, где совершил он свое великое дело, — на Печоре.

Так усилиями Владимира Ивановича Малышева, его сотрудников и продолжателей было создано знаменитое Печорское рукописное собрание Древлехранилища Пушкинского дома. Оно знаменито в первую очередь тем, что это численно самое большое собрание рукописей из одного места. Его примечательная особенность — демократизм — это народная, крестьянская письменность, представленная сотнями образцов на протяжении четырех веков.

Рукописный отдел Пушкинского дома называется по старинному Древлехранилищем. Это сокровищница, но отнюдь не скрытая от людских глаз, доступная только избранным. Сюда может прийти каждый, как в библиотеку-музей. Перед вами откроются зашторенные стеклянные створки высоких книжных шкафов и предстанут молчаливые ряды толстых сборников и тонких тетрадок, хранящие в себе голоса далекого прошлого Печоры...

Печорские рукописи редко иллюминированы; так называемых «лицевых» рукописей, то есть с рисунками в тексте, в собрании сравнительно немного. Они отличают-

*Крюковые ноты
с заглавной литерой.
XIX в. Институт русской
литературы АН СССР,
Ленинград*

ся особенной пышностью растительного орнамента заставок и красотой заглавных литер. Это так называемый «поморский орнамент», выработанный писцами Выгорецкого общезнательства. Образцом его может служить находящийся в собрании Сборник сочинений Андрея Денисова XIX века с заставками, щедро изукрашенными золотом и киноварью и с изображением автора на фронтисписе. Красотой и изяществом выделяется и Сборник крюковых нот XIX века.

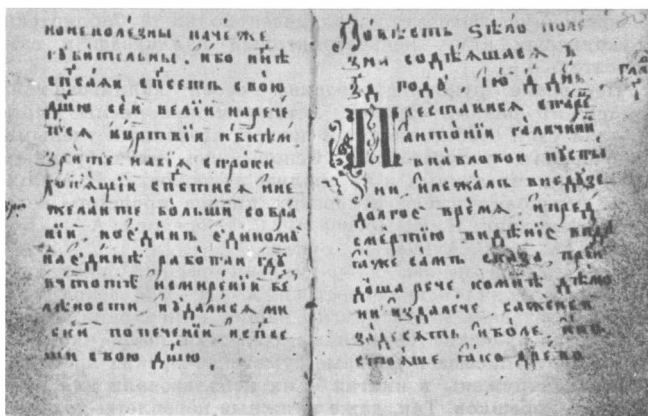
Большой художественной ценностью обладает лицевая рукопись Жития Николы. Она написана не раньше начала XIX века, но во всем сохраняет традиции XVII века: четкий, твердый полуустав, цветные заставки, киноварные заглавные литеры. Текст сопровождаются тридцатью шестью миниатюрами на сюжеты жития. Рисунки исполнены пером и раскрашены акварелью. В традиционные сюжеты автор внес немало собственной фантазии. Многие иллюстрации изображают бурное море и ладьи с путниками —

*Житие Николы. XIX в.
Институт русской
литературы АН СССР,
Ленинград*

сюжет, близкий жителям поморского Севера. На других изображено палатное строение в иконописном стиле, причем в изображении города ощутимо знание художником новой архитектуры, например в воспроизведении колокольни со шпилем, домов, городской площади. Оформление книги — лицевые иллюстрации, орнамент, каллиграфия — придает сборнику праздничную нарядность, делает его произведением высокого книжного искусства.

Находится в Печорском собрании миниатюрная, в шестнадцатую долю листа, пухлая книжечка почти кубического объема, исписанная четким красивым полууставом. Это одна из жемчужин коллекции. Сборник содержит уникальную «Повесть о быке» (или «Чудо о быке»), созданную в самой Усть-Цильме на основе местного материала. В повести обработана народная легенда о том, как на Ильин день к устьцилемской Никольской церкви прибежал бык «белый зело велик и красоты неизреченной» и не откуда-нибудь, а из Великого Устюга. Следует

*Сборник И. С. Мяндина
с «Повестью о быке».
XIX в. Институт русской
литературы АН СССР,
Ленинград*

отметить, что подобных легенд немало бытовало на Севере. В одних местах к церкви на Николин день прибегал олень, в других — прилетал глухарь. На Пинеге в Пильгорах 15 сентября старого стиля праздновался праздник «быкомол»: после церковной службы закалывали быка, ели мясо и пили пиво. На соседней Ижме был обычай жертвовать церкви на Николин день оленей. В Усть-Цильме же оленеводством не занимались, зато было развито оседлое скотоводство. За фантастическим образом быка обнаруживаются вполне реальные торговые связи Усть-Цильмы с Устюгом, а следовательно, с Подвиньем, откуда поступал на Печору высокопородный скот.

По почерку и другим данным В. И. Малышеву удалось установить имя создателя сборника. Им был Иван Степанович Мяндин, знаменитый устьцилемский писец второй половины прошлого века. Ему же принадлежит письменная обработка местной легенды «о быке». Это был не узкий начетчик, а талантливый самородок, знавший и

современную литературу, владелец большой библиотеки рукописных книг, непревзойденный каллиграф и сам писатель.

Печорские рукописи красивы своей каллиграфией, узорными рядами строчек. Устьцилемские писцы выработали свой особый местный почерк, названный учеными «печорским полууставом». Основываясь на собранных исторических данных и на анализе почерков, В. И. Малышев установил имена печорских писцов прошлого века И. С. Мяндина, Н. И. Носова, Ф. С. Бобрецова, А. А. Вокуева, А. М. Бажукова и других.

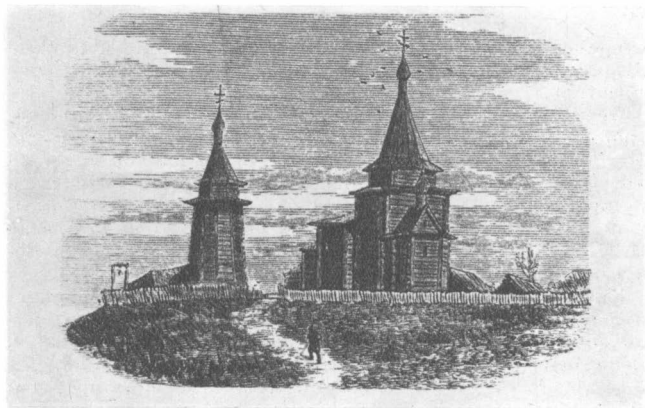
Есть в Печорском собрании интересный раздел — письма устьцилемских крестьян XVIII—XX веков. Подобного раздела нет в других наших книгохранилищах. Если новгородские берестяные грамотки были найдены в земле, то письма и деловые бумаги печорских крестьян были обнаружены в книгах — их использовали для подклейки корешков. Так, даже книжные переплеты донесли до нас голоса печорцев.

Вот одно из них: письмо некоего лица Семену Феофиловичу (конец XVIII — начало XIX в.). Деревенский любомудр пишет:

«Пришло мне на мысль помянуть вкратце прадеда нашего Адама житие. Како он строил по изгнанию из рая за свое преступление. Диковина немалая подумать. Как он заводил заводы, хоромное строение, хлебную пашню, сенные покосы, рыбную ловлю и прочее. Стал он строить избу, а где бревна? — смечены, а не сечены. Чем сечь? — топором? — а топор не кован — ох, беда! — прежде избы надобно. Кузница строить, а где железо, а где уголье? Железо из земли не выкопано, а и копать не уметь, уголе не жены, а и жечь не знает. А что и жечь еще? — и лес стоит на кореню. Что тут прежде строить: изба или кузница? Что вначале завезть — заводы железные или сечение лесов? Пашню ли пахать или сохи и бороны сделать? — кузнецы не рождены...»²⁰.

Приведенный отрывок может показаться простодушным, но за ним встает история освоения далекого северного края, того времени, когда по Пижме и по Цильме возникали новые деревни и жизнь их первых поселенцев напоминала бытие «ветхого Адама».

Печорское рукописное собрание, собиравшееся сорок лет (считая с первых поездок В. И. Малышева), таит в себе немало сокровищ, которые еще прозвучат в науке, как прозвучали в музыке расшифрованные крюковые ноты композитора XVI века Федора Крестьянина из певче-

*Никольская церковь
в селе Усть-Цильме.
1752. Старая гравюра*

ского сборника, найденного на Печоре. Печорский книжный клад, собранный из рассеянных частиц стараниями В. И. Малышева и его сотрудников, ждет пристального внимания еще многих исследователей.

Читателю и почитателю серии «Дороги к прекрасному», привыкшему к тому, что книги серии повествуют преимущественно об архитектурных памятниках, наш пространственный рассказ о печорской книжной старине может показаться исключением. Пусть будет так. Книжка эта посвящена памяти Владимира Ивановича Малышева, и я обязан был сказать о его деятельности.

Обратимся теперь к самой Усть-Цильме.

Нынешняя Усть-Цильма километров на семь вытянулась по правому берегу Печоры под пологими холмами. Село растет, строится, новые дома забрались уже на вершину холма.

Хотя и может похвалиться село и своей величиной и своей седой стариной перед многими селами Севера,

Улица села Усть-Цильмы

а самих памятников старого зодчества сохранилось в нем немного.

Известно, что первая церковь Николы Чудотворца была поставлена основателями села в 1547 году. Церковь эта простояла двести лет и верно стояла бы дольше, если бы не сгорела при пожаре села. За это время река подмыла берег, село поднялось повыше, и на новом месте в 1752 году была поставлена новая церковь, тоже Никольская, шатровая, при ней — шатровая колокольня. Изображение этой церкви сохранено на рисунке в первом томе «Живописной России», там же приведено ее любопытное описание:

«Вокруг церкви старая, полуразвалившаяся деревянная ограда и несколько могильных крестов; сбоку наружная крытая лестница ведет ко входным дверям; на дверях по стародавнему обычаю висит кольцо железное. Через сениходишь в трапезу, занимающую большую часть здания; налево от входа в трапезе огромнейшая печь — видно,

Дом в селе Усть-Цильме

с холоду и молитва на ум не пойдет; направо стол для сорокоустов, в углу свалены какие-то вещи, а вокруг стен и по печи приспособлены лавки, так как служили, видно, тогда по старинному и всенощное бдение на всю ночь действительно вели. Иконостас самый простой, бедноватый на вид и старинного пошиба; окна в самой церкви и в трапезе, все лишь с южной стороны. < ... > С северной прорублено одно лишь оконце, да и то не больше четверти в диаметре. Образ чудотворца Николая почитается всеми жителями Печорского края, и ни один промышленник, ни один торговец и ни один простой путник не пройдет мимо церкви без того, чтобы не поклониться иконе»²¹.

Церковь эта была предоставлена в 1852 году в распоряжение единоверческого прихода, а в 1877 году разобрана за ветхостью.

В 1851 году была построена третья по счету церковь, деревянная, пятиглавая, с колокольной над папертью,

*Дом в селе Усть-Цильме.
1910*

ее перестроенное здание существует поныне (в нем кино-театр). Эта церковь запечатлена на этюде художника А. Борисова, проезжавшего через Усть-Цильму в начале 1898 года. Изображенный художником облик села в общем-то отвечает малопривлекательной картине, описанной С. В. Максимовым. Это большое, беспорядочно застроенное село. Путешественник отметил значительные размеры печорских домов, а также их внешнее убранство. «Дома эти все двухэтажные: у верхнего приделаны балконы, у окон ставни расписные, размалеванные по всей прихоти доморощенного вкуса и воображения...»²².

К сожалению, домов такого рода с затейливыми балкончиками и расписными ставнями в сегодняшней Усть-Цильме мы не найдем. В 1930-е годы еще стояли в селе дома с такими вырезанными надписями на консолях: «1845-го мая 7 дня», «1851 года рубил плотник Захар Савельев месяца июля 22 дня» (по свидетельству фольклориста Н. П. Колпаковой). Теперь этих домов не су-

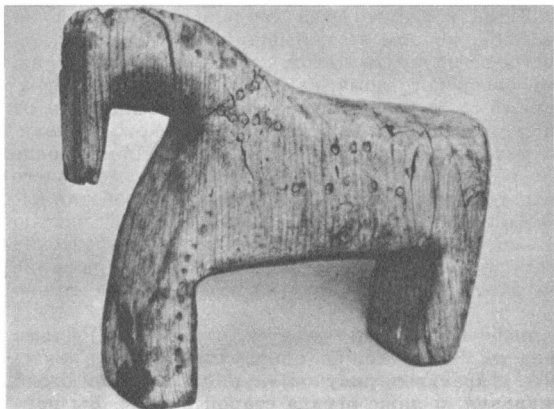
ществует. Лишь у одного дома увидели мы надпись на консоли «1866», но дом этот, бывший шестистенком, теперь перестроен и утратил свой первоначальный облик.

Хотя тип печорского дома, как выше отмечалось в главе об Ижме, был выработан русскими поселенцами и от них пришел к коми, однако образцы печорского деревянного зодчества ныне лучше представлены на Ижме. После Ижмы мы не откроем для себя в Усть-Цильме ничего нового. Мы увидим те же самые добротные сработанные двужирные пятистенки и шестистенки, большей частью обшитые и окрашенные. Также увидим мы купеческие дома начала нашего века, в новом вкусе, в подражание каменным, даже с эркером, как на здании Дома пионеров.

Тем не менее из этого не следует, что в Усть-Цильме нечего увидеть. Здесь можно обнаружить немало интересного. Это и красивый рисунок «куриц», и резной столб колодца-журавля, и даже ограда старой формы. Вы найдете здесь живописные уголки, которые красиво смотрятся на фоне широкой реки и дальних заречных лугов. В данном случае мы рассчитываем на сотворчество читателя.

Трижды бывал я в Усть-Цильме и ее окрестностях и каждый раз убеждался в том, что для исследователя северной старины ничего здесь не лежит на поверхности. Не блещет особенной красотой село, а были сделаны здесь уникальные книжные находки. Так и во всем другом. Ведь четыреста с лишним лет стоит село, и должен быть у него свой особенный колорит. И он есть, лишь надо повнимательнее присматриваться и вслушиваться. Присмотритесь к устьцилемским старичкам, к бабушкам в сарафанах и дедам в плисовых штанах, заправленных в белые носки с калошками — вроде бы нигде так не ходят, а на Печоре ведется. Прислушайтесь к певучему устьцилемскому говору с характерным повышением голоса в конце фразы — и в нем отзвуки седой старины.

А если вы попадете в Усть-Цильму к 12 июля, Петрову дню, то и вовсе будете удивлены, увидев на мостках-тротуарах женскую половину села в древнерусских нарядах. В эту пору белых северных ночей исстари играют в Усть-Цильме и по окрестным местам «горки» — местный традиционный праздник. Возник он, по-видимому, в XVIII веке из праздника летнего солнцестояния и был приурочен ко времени, когда в крестьянских работах наступала передышка между севом и сенокосом, об эту же пору приплывали к Усть-Цильме каюки чердынских

*Деревянный конь-игрушка.
XIX в.*

купцов с товарами, которых встречали всем селом. Повод для праздника давно забыт, а традиция сохранилась и, пожалуй, традиция ныне на Севере единственная, уникальная.

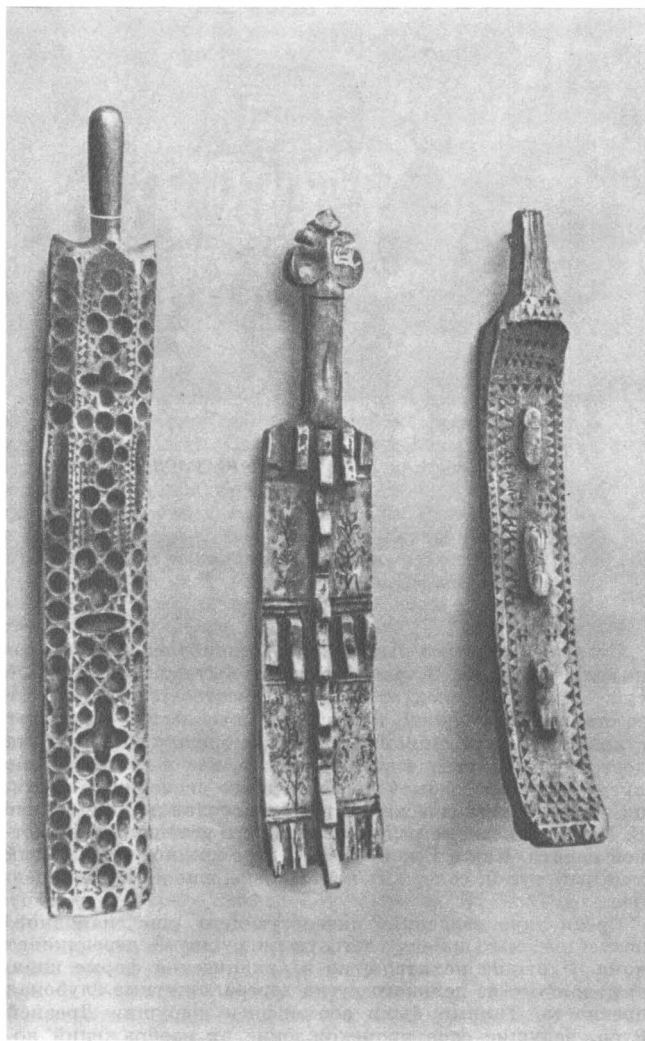
Только на выступлениях северных народных хоров и самодеятельных фольклорных ансамблей увидите вы старинную одежду и услышите старинные песни, а в Усть-Цильме это не на сцене, а на зеленой лужайке, и не инсценировано, а по древнему ритуалу. Это народный праздник, сродный карнавалам, и к нему также готовятся заранее, особенно женщины: перебирают наряды в бабушкиных сундуках, у кого нет, шьют из яркой ткани традиционные кофты — «рукава», сарафаны, передники — как карнавальную одежду — на праздник раз в году, но в отличие от шумных зрелищ в других странах у северян все сдержанно и чинно, и песни протяжные, спокойные, как прозрачная северная ночь, притихшие воды...

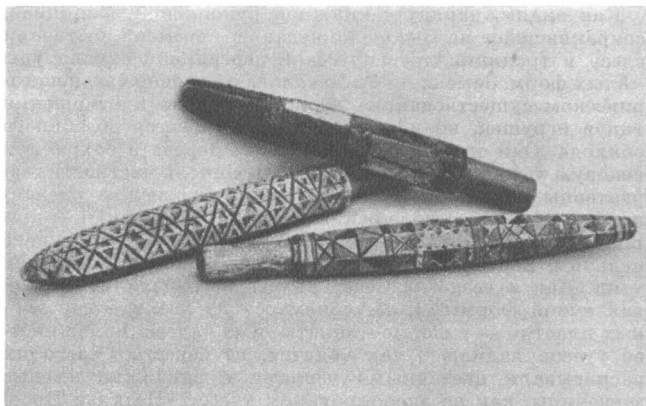

*Тюса и солоница-утица.
XIX в.*

Старый печорский быт, пожалуй, наиболее ярко сохранился в «горках». Остатки прежнего бытового уклада еще существуют, но, следует признать, быстро угасают вместе со старым поколением. Новый быт повсеместно вытесняет старый. Если традиционная женская одежда еще не стала достоянием краеведческого музея, то, как и везде, многие предметы старого быта перешли в его экспозицию. Усть-цилемский краеведческий музей был создан по инициативе В. И. Малышева, не раз поднимавшего этот вопрос в местной печати. Как и Ижемский, он невелик, но, как каждый местный музей, содержит нечто новое, еще нами не виденное.

Среди произведений интересующего нас народного искусства мы найдем детскую игрушку — деревянного коня. Игрушка нехитрая, но в архаической форме коня, выделанного из цельного куска дерева, ощутима глубокая древность. Такими были зооморфные игрушки Древней Руси, ведущие свое происхождение от изображений ко-

*Каталки для белья. XIX в. Бачевые палки
← для игры в бабки*

ней — символов счастья. Конь на охлупне крестьянского дома и конь-игрушка — явления одного рода.

Традиционность и уникальность печорских резных коньков подтверждает исследователь северного народного искусства А. Чекалов:

«Резная игрушка, несомненно, была известна на Севере задолго до XIX века. Поразительное сходство печорских колодообразных игрушек-коней конца XIX века с образцами XII—XIV веков, добытыми в Новгороде, подтверждает факт долгого, но словно бы внеисторического существования простейших типов игрушки. <...> Печорские коньки представляют собой длинные, массивные колоды со скульптурно вырезанной мордой, обычно без окраски, изредка с резным орнаментом из зубцов, борозд и кругов. Характерна граненость формы, придающая игрушке вид архитектурной детали. Нерасчлененность объемов, сила обобщения придают конькам сходство с архитектурным охлупнем»²³.

Как видим, наряду с книжной рукописной традицией, сохранявшейся на Печоре до недавнего времени, бытовали здесь и традиции древнерусской деревянной скульптуры малых форм. Замечание А. Чекалова о «словно бы внеисторическом существовании» верно не только в отношении типов игрушек, но и в отношении предметов домашнего обихода. Они тоже выделывались из дерева и сохраняли вековую устойчивую форму. Для Печоры, в частности, характерны подойники с носиком (в форме лейки), сделанные из цельного ствола осины с сучком, и дьяльники — широкие плоские миски для сквашивания молока, тоже из цельного дерева. Делались, конечно, и солонки в форме утиц. Как и везде на Севере, туеса изготовлялись самой различной формы. Иные сбивались из ладов — деревянных пластин — в форме миниатюрных бадеек. Большинство туесов ладилось, как водится, из бересты. Часто их расписывали цветочными узорами и снабжали именем заказчицы, как на экспонируемом туесе: «Натали Носовой».

Своеобразие местного художественного вкуса проявляется в украшении разных предметов, вплоть до ложа охотничьего кремневого ружья. Красиво орнаментированы каталки для глажения белья. Две из них украшены резьбой, на одной подпись мастера: «В [дата неразборчива] год делал Нил Анд [реевич]». Третья каталка, расписная, с мелким орнаментом древнего образца по полю, с изображением на рукояти двух коров и двух птиц. Орнаментировались и украшались в народном быту порой самые простые предметы, как палки для игры в бабки. Они покрыты насечкой и окрашены пестро, нарядно, под стать веселой игре.

Следует заметить, что задолго до организации местных краеведческих музеев лучшие образцы народного искусства были собраны экспедициями наших центральных музеев. В Русском музее в Ленинграде, в отделе народного искусства можно увидеть в экспозиции ряд аналогичных предметов с Печоры. Печорские мастера имели обыкновенные подписывать свои произведения. Так, кремневое ружье из деревни Скитской с красиво орнаментированным ложе имеет надпись: «1915 года 25 апреля сию ложь делал на своему ружью Осип Сергеев Аншуков. Оружье бери господи благослови поди промышлять куниц черных лисиц». Пестро изукрашенная каталка — красным, зеленым, желтым — «традиционными» печорскими цветами, подписана: «1895 года месяца марта 31 дня писал Прокопий Иванович Кириллов». Бачевая палка конца XIX века принадлежит А. К. Чупрову из деревни Коровий ручей,

Вязаные мужские носки

солоница-уточка выполнена С. И. Чуркиным из деревни Чуркинской. Все изделия украшены характерным орнаментом, который и поныне сохраняется в росписи пижемских ложек.

К сожалению, мы мало что знаем о печорских мастерах-резчиках, подписавших свои изделия. Это были, безусловно, люди художественно одаренные, иначе говоря — умельцы. Обычно им была чужда определенная специализация (исключая, пожалуй, ложкарей), они с одинаковым умением могли вырезать каталку и сшить лодку.. Иные из них обращались к переписыванию книг — диапазон художественной деятельности был обширным. Известны случаи, когда печорские переписчики-каллиграфы трудились над украшением охотничьих ружей, подобных ружью Осипа Аншукова²⁴.

Особенным искусством славилась и славятся печорские вязальщицы. К сожалению, почти исчезло туесное ремесло и упало мастерство резьбы по дереву, но вязанию из

шерсти повсеместно уготовано будущее, и опыт и орнамент печорских мастериц могут представить интерес не только местный. И поныне на Севере как каждый деревенский житель — плотник, так и каждая жительница — вязальщица. Вяжут преимущественно носки и варежки. Наиболее красивый и богатый орнамент следует признать на мужских чулках. Объясняется это не только заботливостью устьцилемок о своих суженых, но и предписаниями моды, согласно которой мужчины носили поколенные чулки навывпуск, заправляя в них штанины. Такие чулки назывались «писки», то есть писанные, расписные. Вязались они из черных, белых, красных, оранжевых нитей крестовым узором. Расположение цветов и рисунок орнамента отличается большим искусством.

Ряд экспонатов музея в отделе народного творчества принадлежит нынешнему времени, создатели их живы и работают. Это относится к вязальщицам, а также к ложкарям. Народные промыслы не исчезли на Печоре и, чтобы повидать народных мастеров, чтобы посетить исторические места окрестностей Усть-Цильмы, о которых мы вскользь упоминали, нам предстоит отправиться на Пижму и на Цильму.

3. ПИЖМА И ЦИЛЬМА

От Пустаозера 150 верст пала в
Печору река Чилма [Цильма]...
А выше Ижмы 40 верст река Пиж-
ма...

Книга Большому Чертежу

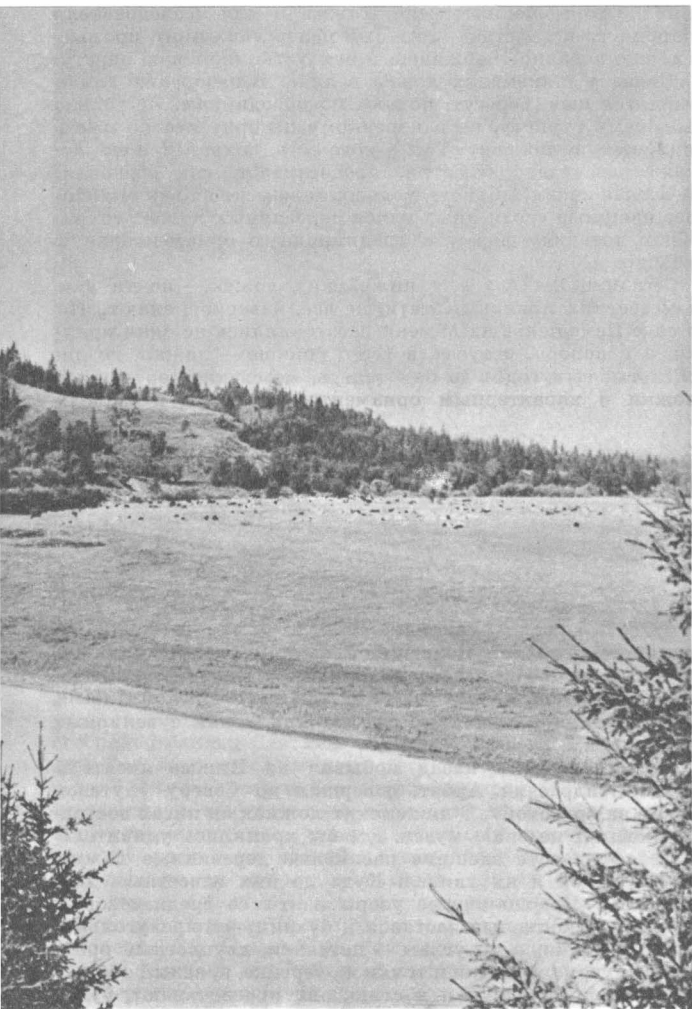
Если на Ижме окрестные села и деревни лежат в Заречье, то и в Усть-Цильме они тоже за рекой, хотя и на значительном удалении, вверх по течению притоков Печоры — речек Пижмы и Цильмы. Всю ближнюю и дальнюю устьцилемскую округу мы можем назвать устьцилемским краем, но есть в этом крае свои землячества: устьцилемами называют жителей «слободки», пижемцами — жителей пижемских деревень, цилемцами — жителей Цильмы. При всей этнической общности русского печорского населения есть и свои земляческие различия, в чем мы убедимся в нашем путешествии.

Когда-то, до эпохи самолетов и моторных лодок, попасть на Пижму было непросто: два дня пути вверх по реке через пороги, один из которых выразительно называется «Разбойником». Теперь лучший и единственный транспорт на Пижму — самолет. Минут через двадцать пять, оторвавшись от устьцилемской горки, вы приземляетесь на луговом аэродроме в Замежной.

Хотя Пижма — очень красивая река, течет в лесистых увалах, прихотливо виляя, и селения по ней стоят красиво, но постройки в них заурядны — примечательных архитектурных сооружений мы здесь не найдем.

Но немало прославлена Пижма. Здесь были сделаны В. И. Малышевым его наиболее интересные находки. Не только для археографов была Пижма «золотым дном», много ценных материалов собрали здесь и фольклористы. Деревня Аврамовская некогда славилась своими сказителями былин, а Замежная и поныне — своими песня-

ми²⁵. Столь же интересна Пижма и для исследователя народного искусства. Здесь был центр ложечного промысла, еще недавно снабжавшего всю устьцилемскую округу.

Слава у пижемских ложек велика. В печорских домах гордятся ими, берегут, подают по праздникам. Не только заезжему туристу, но и коренному печорцу лестно иметь пижемскую ложечку. Тот, у кого есть, похвалится ею, покажет на свет: «Смотри, просвечивает, как восковая! А легкая какая!» Действительно, пижемские ложки наиболее изящные среди иных типов деревянных ложек, сохраняют древнюю форму и традиционную орнаментальную роспись.

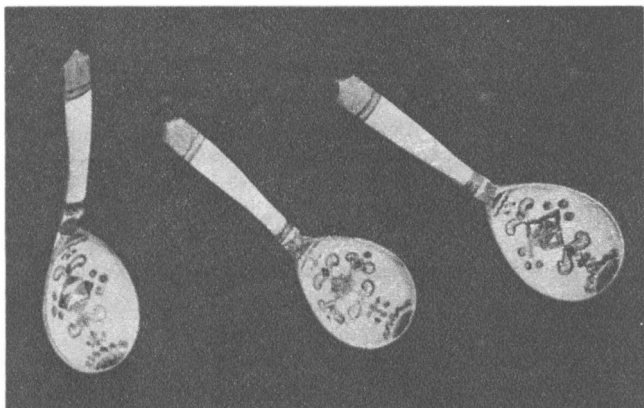
Сегодняшняя слава у пижемских ложек — почти как у мезенских прялок. Кстати, не все, наверное, знают, что в селе Палощелье на Мезени изготовлялись не одни прялки, а и короба, и туеса, а всего больше — ложки, до десяти тысяч в год! Где они теперь, мезенские деревянные ложки с характерным орнаментом красных и черных

*Река Пижма
у деревни Замежной*

волнистых полос? Износились, поломались, затерялись, а новых нет — не изготовляют ныне в Палощелье ни ложек, ни прялок. Но еще режут ложки на Печорской Пижме, и нет-нет да и мелькнут они на прилавках сувенирных магазинов...

Лет пятнадцать назад побывал на Пижме писатель Юрий Андреевич Арбат, совершая по Северу «путешествия за красотой». О пижемских ложках он писал восторженно: «Я не знаю музея, где бы хранились удивительные по красоте здешние расписные деревянные ложки. В Замежной я их увидел. Куда до них известным хохломским! Красно-черные узоры взяты со средневековых русских рукописных заставок и буквиц; четырехугольники и ромбики, а по углам — петельки, двуцветный орнамент внутри, черточки и точки на черенке, красный ободок. Стоит поднести ложки к огню, они просвечивают, будто отлитые из меда или воска»²⁶. Писатель зарисовал основные виды ложечного орнамента. В то время работал в

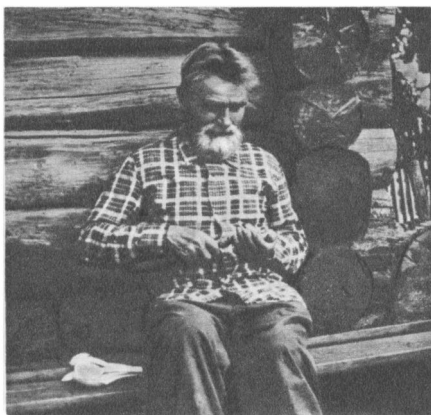

*Ложки работы
С. И. Мяндина*

Замежной только один мастер — старик Павел Антонович Мяндин, и писатель не без оснований опасался, что с его кончиной кончится история пижемского ложкарства.

Однако, к счастью, история эта еще не закончена. Не стало в живых П. А. Мяндина, занялся ложечным делом его однофамилец Савелий Ипатович Мяндин. Ныне Савелий Ипатович прославлен столичным журналистом. Очерк о нем, опубликованный в журнале, принес старику известность, поток писем со всех концов страны и даже, как утверждает сам мастер, из-за рубежа. Одолевают старика просьбами прислать ложек, сколько надо денег предлагают, да вот с ложками-то не так все просто...

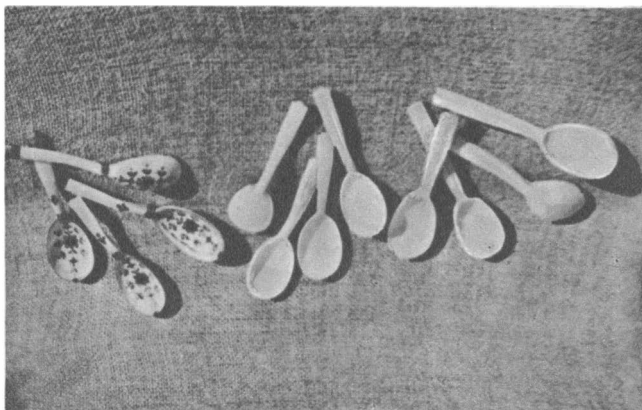
Я знавал Савелия Ипатовича лет десять назад, еще до его славы, да и как было пройти мимо такого колоритного человека? Дед Савелий был на Пижме личностью известной, и фактами своей бурной биографии и своим неугомонным характером. В его одинокой избенке постоянно собирался народ — хозяин любил компанию, был гуля-

*Народный мастер-ложкарь
Г. М. Чупров*

кой и гармонистом. Это был высокий, румяный здоровяк, с крепкими руками. Ложкарьством в то время он не занимался, а по договору ловил рыбу в верховьях Пижмы. Силен был — без мотора, на шесте, за три дня поднимался выше Левкинской.

Но годы шли, и занялся Савелий Ипатович пижемским стариковским делом — вырезанием ложек. Никакого специального обучения он, разумеется, не проходил, как и его предшественники, но пижемцы — народ ловкий и смысленный. Каждый житель лесного края умеет владеть топором и прочим плотницким инструментом: избу поставит, лодку сошьет, а уж ложку вырезать и вовсе нехитро. Находясь на промысле за двести километров от дома и потеряв ложку, домой за ней не вернешься, а возьмешь чурочку березовую и сладишь ложечку, да не одну про запас. А то зайдет соседка, попросит: «Савва, наделай мне ложек!» Старые люди на Печоре металлическими ложками есть не станут, только своими пижем-

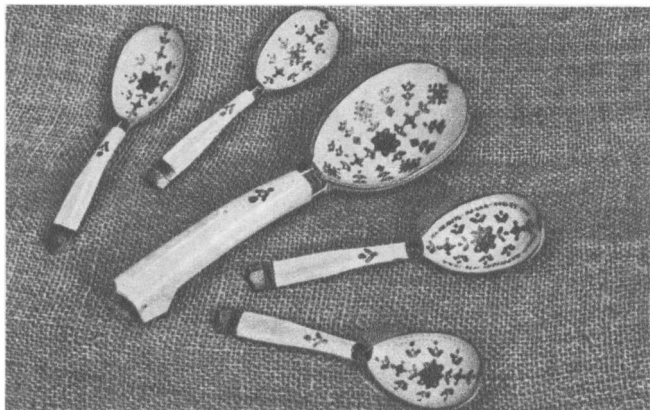

Ложечные заготовки

скими. С того ли это времени идет, когда чуждались староверы всего приходящего извне и не признавали металлической посуды, сказать трудно, но до сих пор держат кондовые бабушки запас деревянных ложек.

Дед Савелий — скорый, ловкий на руку, быстро схватил ложечное ремесло. Пока были живы старые мастера, вряд ли он стал бы с ними тягаться — те имели свой пошиб, свой выработанный орнамент, переданный им от отцов. Но никого не осталось из тех мастеров, про которых писал Ю. Арбат, и пришлось Савелию Ипатовичу занять их место. Быть может, не отличается его работа той тонкостью и чистотой стиля, что у прежних мастеров. Ложки Савелия Ипатовича, пожалуй, более грубоваты, ощутимо, что сделаны они нетерпеливой рукой, но в них есть фантазия и их не спутаешь с другими.

Работы С. И. Мяндина получили призы на республиканских и местных выставках-конкурсах, а тут и журналист его прославил, Непрочь был бы мастер снабдить

*Образцы пижемских ложек
работы Г. М. Чупрова*

добрых людей своими изделиями, да вот беда — ослабло зрение у старика и перестал он резать ложки...

Работает теперь на Пижме один мастер-ложкарь — Григорий Матвеевич Чупров. Григорий Матвеевич — старик с ясным, веселым взглядом, инвалид войны. Он тоже не профессиональный ложкарь, да таких и не было на Пижме. Он — один из последних умельцев. Летом, занятый делами по хозяйству, он ложек не режет. Ложкарством принято заниматься зимой, когда и времени свободного больше и каждый день топится русская печь, на которой сушатся заготовки и поолифленные ложки.

Всего три инструмента нужны для выделки ложек: топорик, нож и резец. Березовых дров всегда много в запасе на долгую северную зиму. Из березовых напиленных чурочек топориком накалываются плашки определенного размера. Из плашек мастер ножом вырезает заготовки — грубоватое подобие ложек. Заготовки сушат на печи обычно недолго: утром положишь, к вечеру и подсохнет.

Затем ложка выскабливается резцом, приобретает законченную форму, становится гладкой, тонкой, пригодной для росписи. Так мастер набирает с полсотни белых березовых ложек, снова сушит их на печи. Ложки высыхают, становятся легкими, почти невесомыми.

Потом подготовленная партия ложек расписывается. Для росписи используются обыкновенные акварельные краски, разведенные на смоле. Орнамент наносится стальным ученическим пером с мягким нажимом, обычно — № 11.

Пером легко проводить тонкие линии, но даже от легкого прикосновения стального пера краска слегка расплывается по древесным волокнам, и этим отличаются новые ложки от старых, на которые краска наносилась птичьим пером либо кисточкой.

Последняя операция — олифление ложек. Прежде мастера варили олифу сами по своим рецептам. Покрытые олифой ложки еще раз сушили на печи. В последнее время вместо олифы стали использовать специальный лак, он удобнее — лак не надо сушить.

Пижемские ложки имеют вид костяных, этому впечатлению способствует их нежно-желтый цвет, отточенность формы, благородство облика. Форма ложки не округлая, как у нижегородских изделий, а обычно овальная, восходящая к типам древнерусских «лжиц». Изредка допускалась и округлая форма, обычно в детских ложках. Пижемские ложки отличны от прочих своей миниатюрностью, тонким черенком. Их изящество, правда, оборачивается против них — они непрочны, часто сламываются в черенке. Видимо, поэтому так мало сохранилось образцов старых ложек.

Немногие сохранившиеся образцы старых изделий дают основания считать, что нынешние мастера во всем сохранили традицию ненарушенной. Новшеств, подобных введению алюминиевого порошка в хохломских росписях, пижемские мастера избежали. Единственное нововведение, как упоминалось выше, — стальное перо вместо птичьего. Отделка ложки более тщательна и более художественна, поскольку мастер работает без трафарета, а пишет узор, как глаз показывает.

Вид у ложек нарядный, а цветов использовано немного: красный, зеленый, черный на светло-золотистом фоне. В этом маленьком бытовом предмете столь скупо и выразительно применены немногие художественные средства, что делает лучшие образцы подлинным произведением искусства.

Орнаментика, которой придерживается Григорий Матвеевич, традиционна, она встречается на старых ложках: в центре пишется геометрический узор в виде зеленого ромба с вписанным в него красным прямоугольником, пересеченным по диагоналям зелеными полосами с петельками на концах, а вокруг центрального узора щедро насажены мелкие узоры в виде ромбиков, листочков, крестиков, пятнышек. Обратная сторона расписана схожим орнаментальным набором, но никогда рисунок обеих сторон не совпадает, как вообще редко можно найти даже среди работ одного мастера две совершенно одинаковые ложки: копий нет, даже однотипная форма ложек не стандартна — одна покрупнее, другая чуточку поменьше, у одной черенок круглый, у другой граненый — ведь точит ложки не токарный станок, а вырезают и раскрашивают каждую человеческие руки.

Пижемский ложкарь не чувствовал своей обезличенности. Мастера обычно подписывают ложки на память, по северной поговорке: «Ложкой хлебай, подарок не забывай». Во многих пижемских домах увидите вы ложки с надписями: «Долгая память от Савелия Ипатовича», «На память делал ложку Григорий Матвеевич».

Ю. Арбат сообщает со слов старого мастера, что будто бы прежде на Пижме изготовлялось семнадцать тысяч ложек в год. Цифра эта представляется значительно завышенной. Пижемские ложки имели локальный сбыт, а во всей устьцилемской округе до революции число жителей было менее вышеприведенной цифры (11 тысяч человек). По словам Г. М. Чупрова, у него на день труда приходится пять готовых ложек. Приемная цена ложки — семьдесят копеек. Заказов много, сам Григорий Матвеевич работал по договорам с Сыктывкаром, Архангельском, но кроме него ныне за ложки никто не берется, хотя иные могли бы, но, говорят, невыгодно, в совхозе больше зарабатываешь.

Итак, один мастер остался на всей Пижме, а поскольку в других местах ложек не режут, то и на всей Печоре... Печально будет, если пижемский ложечный промысел заглохнет так же, как палощельский. А между тем спрос велик, даже в районной Усть-Цильме редко продаются пижемские ложки, а если попадутся случайно, знайте — это работа Григория Матвеевича Чупрова.

Что надо сделать для подъема угасающего народного промысла? По-видимому, помимо внимания, устройства выставок народного творчества следует повысить приемные цены. Почему-то до сих пор существует предубежде-

ние, особенно у городских собирателей предметов народного быта, что сувениры должны стоить дешево. Не следует забывать, что многие предметы народного быта, как туеса, плетенки, ложки, — ручная работа. Когда-то они имели прямое бытовое применение, теперь стали сувенирными вещами, а за сувениры надо платить значительно дороже. Это будет справедливым признанием труда и искусства деревенского умельца, которого мы называем уважительно — мастер.

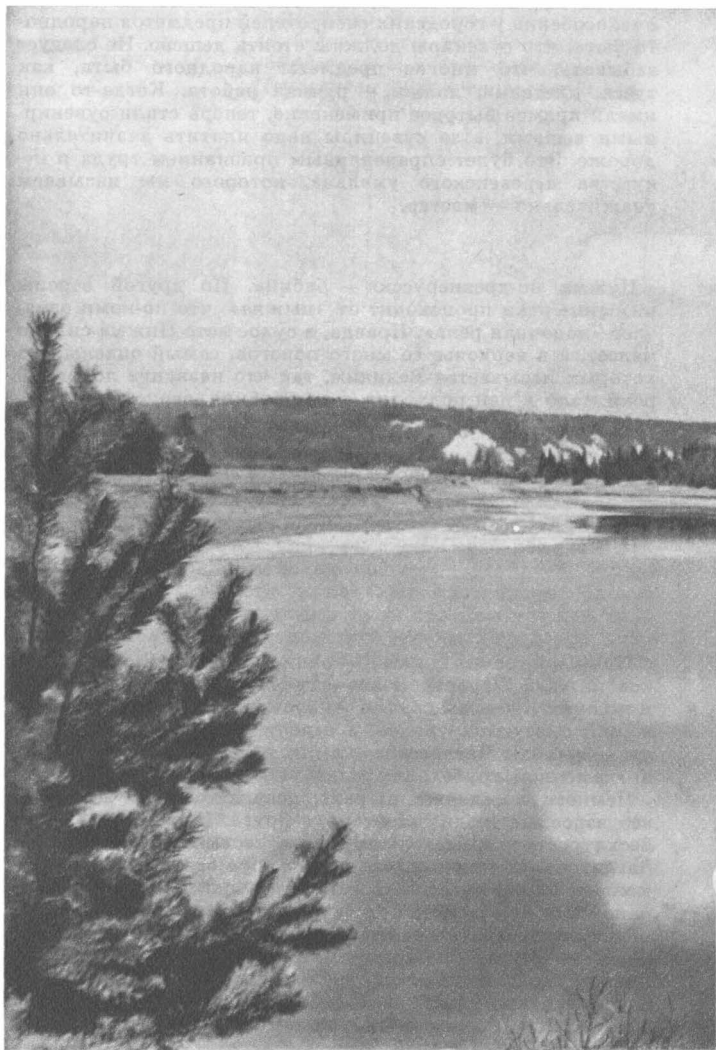
Пижма по-древнерусски — рябина. По другой версии название реки происходит от «пыжва», что по-коми означает «лодочная река». Правда, в сухое лето Пижма сильно мелеет, а в верховье ее много порогов, самый опасный из которых называется Великим, так что название лодочной реки мало к ней подходит, а вот рябина, верно, красит ее берега, и живописны сами берега.

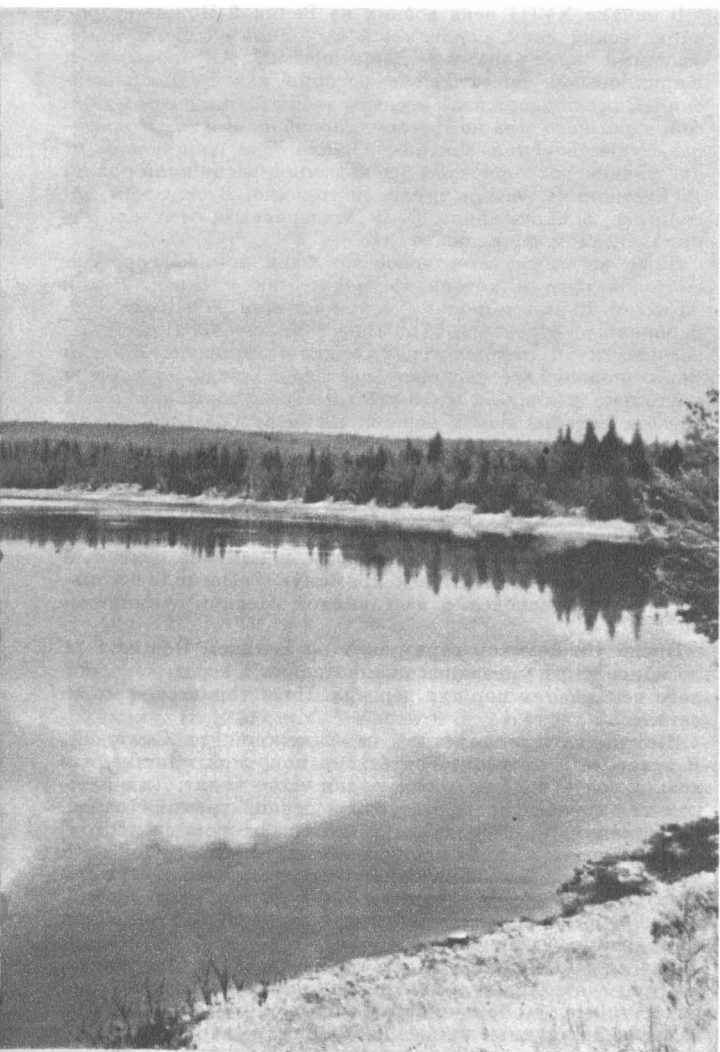
*Река Пижма
близ деревни Скитской
→*

Пожалуй, речка Пижма — один из красивейших притоков нижней Печоры. Возле Замежной течет она в лесах и пожнях и чем выше, тем живописнее становится в окружении синеющих увалов, а в верховье сожмут реку скалы — выходы Четласского камня, и кипит и беснуется она в «каменной трубе».

Немного поселений по реке, невелико число жителей, все взрослые люди знают друг друга. Названия селений бесхитростно свидетельствуют о своем происхождении. Загривочная — значит «за гривой», то есть за горкой. Замежная — «за мегом», то есть за речной излучиной. Степановская — в память основателя. А Скитская — от скита.

Пижма — река лесная, нешироки здесь поля и невелики луга. Луга — пожни, по-местному, расположены по низким берегам на меггах, в излучинах рек. Выше Степановской река делает несколько луговых излучин, здесь были самые обширные пожни, потому и называлось это место Великой Пожней.

В начале XVIII века возник на Великой Пожне старообрядческий скит, основанный выходцами с Выга и мезенскими крестьянами — Бобрецовыми, Антоновыми и Кирилловыми, известный в истории как Великопоженский. Скит поддерживал тесные связи с Даниловым и Лексой, через него шла на Печору старообрядческая литература. Существование скитников мало чем отличалось от крестьянского: корчевали лес под поля, расчищали пожни от кустарника. Жили трудно и голодно. В скитском помяннике, обнаруженном В. И. Малышевым, отмечено немало «гладом скончавшихся».

Иные из пижемских новоселов зарились на хорошие скитские луга и хотели бы отнять их у скита. Некий Артемий Ванюков послал донос на скрывающихся старообрядцев. В декабре 1743 года с Мезени на Пижму, по зимнему пути, прибыл отряд солдат с офицером. Жители Великопоженского общежития, а среди них были не только скитники, но и местные крестьяне с малыми детьми, затворились в церкви. Офицер обратился к ним с увещанием. Никто не поддался на уговоры...

Дальнейшее известно нам из повести о «великопоженском самосожжении». Список обнаружил В. И. Малышев на Пижме. У этой тоненькой тетрадки, по совпадению с ее содержанием, обгорелые страницы. «И загореся храмина, и бысть шум пламенный, яко гром, и пламень огненный в мгновение ока обхвати всю храмину»²⁷. Погибло восемьдесят шесть человек с наставником Иваном Акиндиновичем.

После «пижемской гари» скит на Великой Пожне был возобновлен и упразднен окончательно в середине прошлого века. С тех пор тут деревня. Но историческое место осталось.

Шестнадцать километров от Замежной до Скитской. В сухое лето можно добраться на попутной машине, а в дождливое — вода большая, лодки часто ходят. Да и пешком не скучная дорога — лугом и речной уремой с зарослями малины и смородины. То пожни откроются на другом берегу, то встанут вдали лесистые увалы. Подойдет к реке дорога, и весело сверкнет Пижма на каменистом перекате, снова уведет дорога в лесную глушь и сыр, и так, в разнообразии видов, приведет мимо бывшей деревеньки Чуркиной к Степановской.

Деревни по Пижме, как мы говорили, стоят живописно, но примечательных домов в них немного. Избы обычно пятистенные, в большинстве новые. Двужирные дома, как вообще крупные жилые постройки, не характерны для

*Водосток и «курицы» дома
в деревне Степановской.
1877*

здешних мест. Дома, как правило, небольших размеров, встречаются избенки в два-три окна, называемые по старинному «келейками». Резьбой и прочей затейливостью сооружения не отличаются. Дома смотрят сурово, пожалуй, угрюмо, под стать климату Приполярья. Их достоинство не в затейливости, а в прочности.

Но, как везде, найдем мы немало примечательного, если присмотреться повнимательнее. Так, в Степановской у съезда к перевозу стоит двужирный дом с почерневшим срубом и наново выбеленными наличниками. Под карнизом на резной красивого профиля консоли дата «1877»; сто лет — возраст избы, вызывающий почтение. Примечательна старинная водотечина — «поток», украшенная порезкой, поддерживаемая замшелыми «курицами».

Спустимся к берегу реки и обратим внимание на важный предмет местной жизни и древодельческого искусства — лодки. На разных реках они разной конструкции. Основное требование, предъявляемое к ним на малых север-

Пижемские лодки

ных реках — они должны быть мелкосидящими и грузоподъемными, поскольку такие реки обильны порогами и перекатами. В иных местах, по традиции, днище делается из осины, а борта из нашивных досок. На Пижме теперь осиновок не делают, хотя их форма устойчиво сохраняется: лодка шьется узкой, длинной. Основа северной лодки — кокора, то есть форштевень, на который крепятся ребра-шпангоуты. Лодка шьется с плоским днищем, из нескольких длинных досок. Старая форма уживается с новым назначением: корма лодки приспособляется под мотор. Лодка без мотора теперь немислима.

На пижемской лодочке переедем мы реку и проследуем другим берегом к Скитской. Снова извилистая Пижма будет подходить к дороге, открываясь спокойным светлым плесом. Подходя к деревне, еще издали увидим мы возвышающийся над окружающими лесами темный хвойный остров. Мы будем подходить все ближе, пока он не предстанет перед нами на околице небольшой деревни.

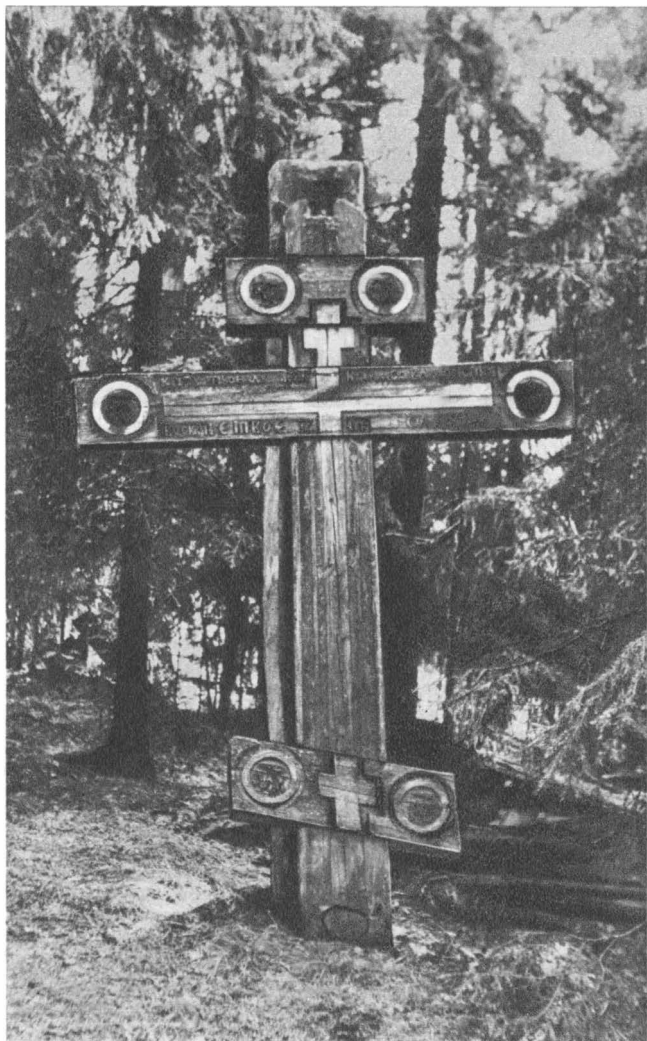

*«Могильник» — старое
кладбище в деревне
Скитской*

Ничего не осталось от прежнего Великопоженского общежительства, кроме рощи заповедных двухсотлетних сосен и елей на старом кладбище. Это — природный памятник давним событиям, давним людям. Сюда, по преданию, были перенесены останки погибших в «гари», тут и поныне хоронят. Место это называется у местных жителей — Могильник.

Стоят под соснами голубцы и кресты. Иные, старые, пали от ветхости. Замшели стволы елей, замшели кресты, подстил усыпан хвоей, ало блестят ягодки брусники. Есть здесь захоронения с наружным срубом-домовиной. Особняком стоит высокий трехметровый крест. Он покосился и рухнул бы, если б заботливые руки не укрепили его поставленным рядом столбом. Подобных крестов на Севере осталось немного. На Мезени, в Кельчемгоре на кладбище — там еще стоят, а в устьцилемской округе этот едва ли не единственный. Глубокой печорской стариной веет от его суровых, скупых форм. Резьба выполнена с нема-

лым мастерством. В кругах по концам двух верхних пере-
кладин вырезаны литеры, обозначающие в сокращении Ц [Царь], С [Славы], И [Иисус], Х [Христос]. На средней
перекладине обычная у обетных и могильных крестов
надпись: «Кресту твоему поклоняемся владыко и светлое
воскресение твое славим». На столбе вырезаны «орудия
страстей» — копьё и трость с оцетом, в подножии крест
— Адамова глава. Стоит крест в еловой чаще рядом
со старой, разрушившейся домовиной, неведомо в чью
память поставленной, верно сказать — в память про-
шлого.

По преданию, Великопоженский скит стоял над рекой,
потом на месте «гари» была поставлена часовня. Место
это блюли и берегли, память погибших строго чтилась.
В деревне, возникшей после упразднения скита в 1854 го-
ду, запрещалось обычаем петь и плясать в праздники, по-
тому что место это монастырское, а на гулянье молодежь
уходила за деревню.

*Резной крест на кладбище
в деревне Скитской*

Последним живым хранителем памяти прошлого остал-
ся в Скитской восьмидесятипятилетний дедушка Сидор
Нилович Антонов. По его рассказу, дед его, Степан, был
монах. Не было тогда деревни, а стояли на берегу келей-
ки скитников. Вели общее хозяйство, сеяли рожь, водили
скот. Молодой монах Степан задумал уйти из монастыря
и жениться. Братия не стала ему препятствовать, а вы-
строили дом в отдалении — живи, а к нам не ходи. Так
будто бы возникла деревня Степановская. «Там мой отец
зародился», — рассказывал дедушка.

Многих людей расспрашивал я на Пижме о собиратель-
ской деятельности Владимира Ивановича Малышева —
ведь именно здесь были сделаны наиболее выдающиеся
находки.

— Как же, Владимира Ивановича помню, — с теплотой
отзывались люди и в Замежной и в Степановской. — Еще
на квартире у меня стоял. Да книг-то у меня не было —
прибавляли, — он больше со старичками дружил.

Никого нет теперь из прежних старичков, остался один Сидор Нилович.

— Ах, Владимир Иванович, Владимир Иванович,— сокрушался дедушка, узнав о его кончине.— А ведь не старый был? Сколько я ему книг передал! Бывало, говорит: «Антонов, отдай мне эту книгу». Давал. В избушке у меня на Умбе были книги, привозил ему... Когда помер-то? Помяну, помяну...

Дедушка Нилыч один из последних пижемских старообрядцев. Но мало вяжется его облик с обликом строгого наставника. Он и по-славянски-то читает еле-еле. Как всякий пижемец старого поколения, всю жизнь занимался он охотой и рыбной ловлей, и похож-то он на старичка-лесовика. Даже не знает он, какого толка его вера, но в истинности ее убежден. На наши расспросы он отвечал:

— Греческой мы веры, апостольской. Нам, детям, наш отец говорил: «Держитесь, детки, греческой веры и спасены будете». Вот как нас учили. А как молодежь теперь себя ведет? Табак курят, пьют...

Он был трогателен в своей простодушной вере, древний, забывающий все дедушка. Глухой печорской стариной веяло на нас, когда мы сидели с ним в его старенькой избушке. Прощаясь, Сидор Нилович снова вспомнил Владимира Ивановича:

— Человек-то какой хороший был... Не приедет больше...— И дедушка заплакал.

Конечно, я не все рассказал о Пижме и о ее прекрасной природе. Я боюсь, что общие восторженные слова мои не смогут передать всего ее своеобразия — сочетания мягкой лиричности с суровым эпическим складом. Быть может, это сделает кто-нибудь лучше меня.

В заключение рассказа о Пижме я хотел бы немного сказать о самих пижемцах. Они не сразу раскрываются при первом знакомстве, и может показаться, что по какой-то нелепой традиции они не расположены к чужакам. Но когда вы сойдетесь с ними поближе, убедитесь, что пижемцы никому не уступят в радушии и веселости.

Пижемцы понимают шутку и охотно откликаются на нее. Они любят общее веселье, любят попеть, поплясать. Каждая женщина здесь певунья. Упрашивать выступить в клубе в фольклорном ансамбле здесь не надо, от желающих отбою нет. Здесь больше, чем где-либо в устьицлемском крае, устойчивы народные обычаи, и в частности в

*Пижемский крестьянин
С. Н. Антонов и его жена*

*Женщины в народной
одежде из деревни
Замежной*

→

одежде. Пожилые женщины повседневно ходят в сарафанах, а в праздничные дни все женское население наряжается в одежды из блестящей ткани со множеством золоченых нитей, сшитых по старинным образцам, как видим мы на приведенной фотографии, в кокошники и цветастые платки на голове, а девушка — в центре фотографии — в девичьей повязке. Элементы наряда в целом традиционны для всего Припечорья, но есть и своя немаловажная деталь. Особенное значение в одеянии женщин усть-цилемского края со старинных времен имеют пояса, «потерять, подарить или забыть его, по староверскому поверью и обычаям, значит, накликать на себя всякого рода несчастья»²⁸. Не знаю, помнят ли жительницы устьцилемского края это старинное поверье, но мастерство плетения поясков процветает и в Усть-Цильме, и на Пижме, и на Цильме, везде есть искусные мастерицы, ловко плетущие многоцветные узкие пояски из нитей мулине.

Вот так в нашем путешествии: казалось бы, и нет выдающихся находок, но, присмотревшись, за небольшой бытовой деталью, вроде женских поясов, открываешь интересную отрасль народного искусства. Наше путешествие — поиск, и мы продолжим его теперь на Цильме.

Реки Пижма и Цильма теперь впадают в Печору каждая своим устьем, а когда-то, еще лет сто назад, Пижма впадала в Цильму у выхода в Печору. Цильма считалась притоком главным — по ней и сама слободка названа.

Река Цильма в истории освоения Печорского края особенно знаменита: по ней проходил путь из Поморья на нижнюю Печору, и известной она стала раньше Пижмы. Мы упоминали выше об этом пути и о походах рудознатцев на Цильму в XV веке. Историческая память о рудознатцах до сих пор сохранилась в названии притока Цильмы близ бывшего месторождения — Рудянка.

Мезенско-Печорский волок существовал в течение столетий (описан академиком А. Шренком), насчитывал 748 верст — восемнадцать дней пути. Позже, со средней Мезени, от села Вожгоры был проложен сухопутный путь через тайболу (так по-местному называется крайнесеверная тайга), протяженностью 250 верст к реке Цильме. Путь этот выразительно описан у С. В. Максимова. Тракт Вожгоры — Цильма действовал еще в 30-е годы нашего века²⁹.

Деревни на Цильме возникли позже, чем на Пижме. Объясняется это тем, что Цильма была большой дорогой, и «беглецы веры» опасались селиться на ней, уходя на более глухую Пижму. Но и здесь существовали известные в истории печорского старообрядчества скитские общежительства. Так в верховье Цильмы, выше Пезско-Цилемского волока, в середине XVIII века возник удаленный Омелинский скит. В монастырьке была часовня, стояли мужские и женские кельи. Скит был обнаружен властями в начале XIX века и официально закрыт в 1851 году.

В начале XIX века часть омелинских скитников, притесняемых властями, ушла на новое место, на приток Цильмы реку Тобыш, где устроила новый скит. О ските на Тобыше существовала местная быль, записанная Н. Е. Ончуковым:

«Был на реке Цильме монастырь, на месте деревни Омелиной, и спасались там люди. И стали этих людей теснить чиновники, и снялись люди с места, и поплыли вниз по Цильме, а как доплыли до устья реки Тобыша, пово-

ротили в Тобыш, поехали вверх по реке и поселились там далеко от устья, верстах в ста, в полторастах, и стали там жить. И жили там и спасались и потом стали повымирать. И старики помирали, и молодые, и дети, и в 20—30 лет, все люди там перемерли и остался в живых один Иванушко. И стало тоскливо Иванушке, и выплыл он на плотике в Усть-Цильму, и стал он ходить из дому в дом, питаться Христа ради...»³⁰.

Иванушко считался устьцилемским святым, верующие чтили его могилку. Почиталось святым и место скита на Тобыше. Оно и поныне называется Покойное, Покойники, и является местом паломничества. Н. Е. Ончуков писал: «Ездят же каждый год, обыкновенно весной, в полуию воду и на место бывшего монастыря, на реку Тобыш, где над могилами скитников стоит амбарчик, заменяющий часовню, которые раскольникам возбранено ставить»³¹.

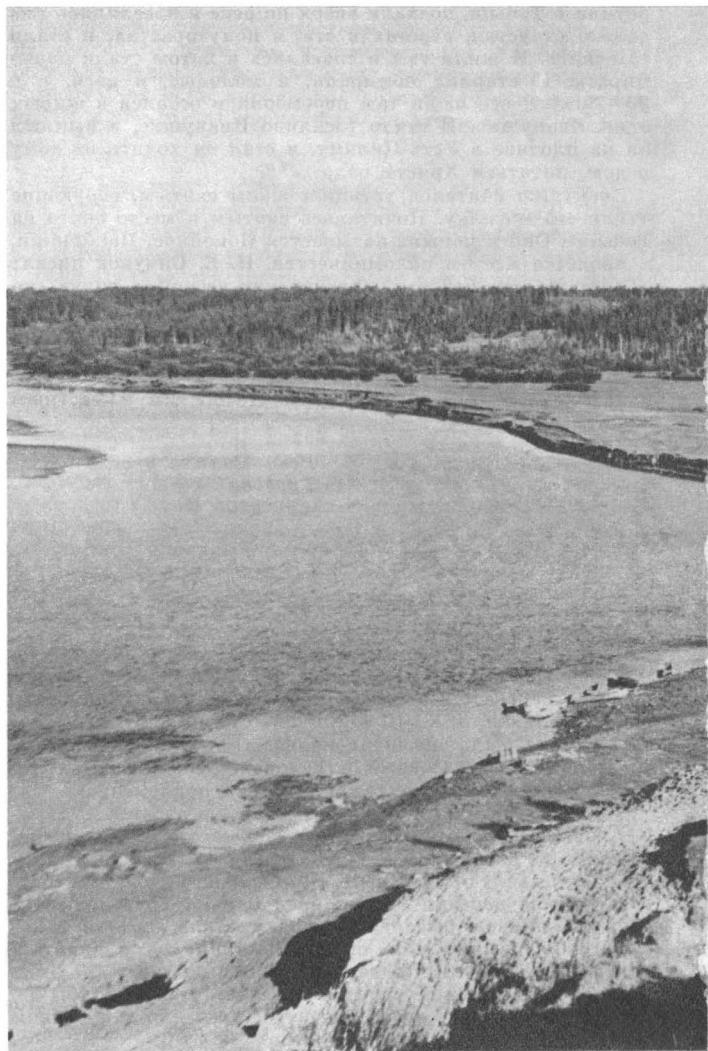
Лет пятнадцать назад мой товарищ, журналист А. Николаев с поэтом В. Журавлевым-Печорским и местным

*Река Цильма у села
Трусова*

→

рыбинспектором побывал на Тобыше. Поднимались они на моторке три дня по малой воде, прошли более сотни порогов и перекатов, сломали бесчисленное число шпонок у винта, но прошли. У «Покойников» стояла избушка, в которой стена была завешана иконами, был шкаф с книгами и лежало бумажками и мелочью рублей шестьдесят денег, оставленных приезжавшими на поклонение.

Деревни по Цильме стали возникать на рубеже XVIII—XIX веков. Академик А. Шренк еще застал в живых некоторых из первых поселенцев. Имена их отражены в названиях цилемских деревень. Был Ванька Рочев с семейством — стала деревня Рочево. Был Ванька Трус, прозванный так за свою рысистую походку, стала деревня, а потом село Трусово. Жил старик Филипп Носов с пятью дочерьми — по нему и деревня Филипповская. Об этом старике сохранилась местная легенда, что будто бы не хотел он отдавать своих дочерей замуж и только одной удалось сбежать от сурового отца.

Село Трусово

Как видим, и Цильма, подобно Пижме, имеет свою интересную историю и легенду. Две реки эти в устьцилемском крае — речные сестры — в чем-то схожи, а в чем-то между собой значительно разнятся. Схожа их история, схожи жизнь и быт населения лесного края. Но даже с первого взгляда заметно различие. Пижма — река своенравная, прихотливая, каменистая, с небольшими пожнями, стесненная лесами. Цильма, особенно в нижнем течении — спокойная, широкая, с песчаным дном, вся в ожерелье прекрасных лугов. И народ на соседних реках разнится характером, как какие-нибудь Хорь и Калиныч. Пижемцы — порывистые, говорливые, цилемцы — степенные, рассудительные. И деревни по Цильме большие и людные.

Село Трусово — главное на Цильме. Как и на Пижму, лучший и единственный транспорт сюда — самолет из районного центра.

*Двухъярусный амбар
в селе Трусове.
XIX в.*

*Старое кладбище
в селе Трусове
→*

Побывав уже в ряде мест Припечорья, мы должны были заметить, как располагаются здесь поселения. Выбирались места по рекам, где есть пожни, где рельеф местности позволял расчистить поля по солнечным склонам холмов. Обычно дома старались ставить под холмом, закрывавшим от свирепых северных ветров. Так была поставлена Усть-Цильма, так располагается и Трусово.

Село громоздится по склону холма, преобладает рядовая застройка — избы поставлены лицевыми фасадами на южную, солнечную сторону, боком к реке. Застройка плотная, тесная, так что у первого ряда домов хозяйственные постройки — амбары, баньки — оказались вынесенными перед домами на скат холма и подняты на сваи. Сваями укреплены и площадки перед домами, наподобие набережной.

В последние годы Трусово значительно расстроилось, возникла нижняя часть села. Старое же село — на холме. Особенно примечательных домов мы не найдем, но после

Пижмы заметим, что дома здесь основательнее, крупнее, преобладают широкие по фасаду, добротные пятистенки, двухжирные избы. По сравнению с глухой Пижмой жили здесь побогаче — обширные цилемские луга позволяли держать больше скота.

Пожалуй, наибольший интерес должен вызвать у нас двухъярусный амбарчик — единственное сооружение подобного рода, встреченное нами в здешних местах. Лет сто амбарчику, и это видно по его бревнам, по обрубке их концов топором, а не обрезке пилой. (Это не значит, что не было пил, но при обрубке топором древесные волокна не лохматятся, как от трения пилой, а заглаживаются, и венцы не загнивают. Умелый плотник хорошо отточенным топором затесывал концы бревен столь чисто, что по внешнему виду их не сразу отличишь от распиленных.)

Амбар небольших размеров, что обычно для Севера. Перед дверью нижнего помещения находится предмостье, с которого ведет лесенка на галерейку с перильцами перед входом в верхнее помещение. По словам владельца амбара, зерно в нем не хранили, а хранили внизу мясо, шкуры, соленую рыбу, в верхнем помещении складывали зимнюю одежду — шубы, малицы и прочий скарб.

За селом, на самой высокой точке холма, по северному обычаю, расположено кладбище. Под старыми деревьями рядами стоят надгробья. Они двух типов: столбики-голубцы, крытые на два ската, и кресты, тоже покрытые, многие с резьбой по концам кровли, с охлупнем и коньком в завершении. По староверскому обычаю, «столбики» ставились простым мирянам, а кресты «грамотеям»-наставникам. Есть захоронение с верхним срубом-домовиной. В домовине делается оконце для «каждения на могилке», а также, как говорят староверы, «чтобы покойник мог увидеть второе пришествие Христово». Стоят кресты-голубцы «над вечным покоем», над холодными водами, над бескрайними хмурыми лесами...

За Трусовым, вверх по реке, за лугами, километрах в четырнадцати, будет деревня Филипповская. Расположена она двумя тесными рядами домов по пониженному левому берегу против крутых лесистых откосов правого берега. Полые воды весной размывают деревенский берег, и поэтому укреплен он сваями. На набережной лежат лодки — их чинят, либо ладят новые. Обратим на них внимание. Они иные, чем пижемские, узкие, вытянутые. Конструктивный принцип их тот же, но на Пижме шьют лодку из двух набойных досок (с каждого борта) с нашив-

ным бортом, а на Цильме лодки трехнабойные с нашивным бортом и потому более широкие, плоскодонные, под стать более полноводной реке.

Как и во многих печорских деревнях, в Филипповской заметим мы интересные постройки. Вот, например, пятистенок на высоком подклете, характерный для Цильмы (конец XIX в.). В одной половине избы окна недавно расширены, в другой остались в первоначальном виде. В подклете находятся помещения с окнами по фасаду (отчего дом может показаться двужирным), используемые как кладовые.

Примечательной деталью сооружения является высокое крытое крыльцо, столь же редко встречаемое теперь в устьцилемской округе, как и в ижемской. Крыльцо, как и фасад дома, лишено всяких украшений. Любопытна форма покрытия крыльца выгнутыми досками. Крыша дома также имеет слегка выгнутую форму. Подобная форма крыш и покрытий крылец имеет распространение на Удоре и

Деревня Филипповская

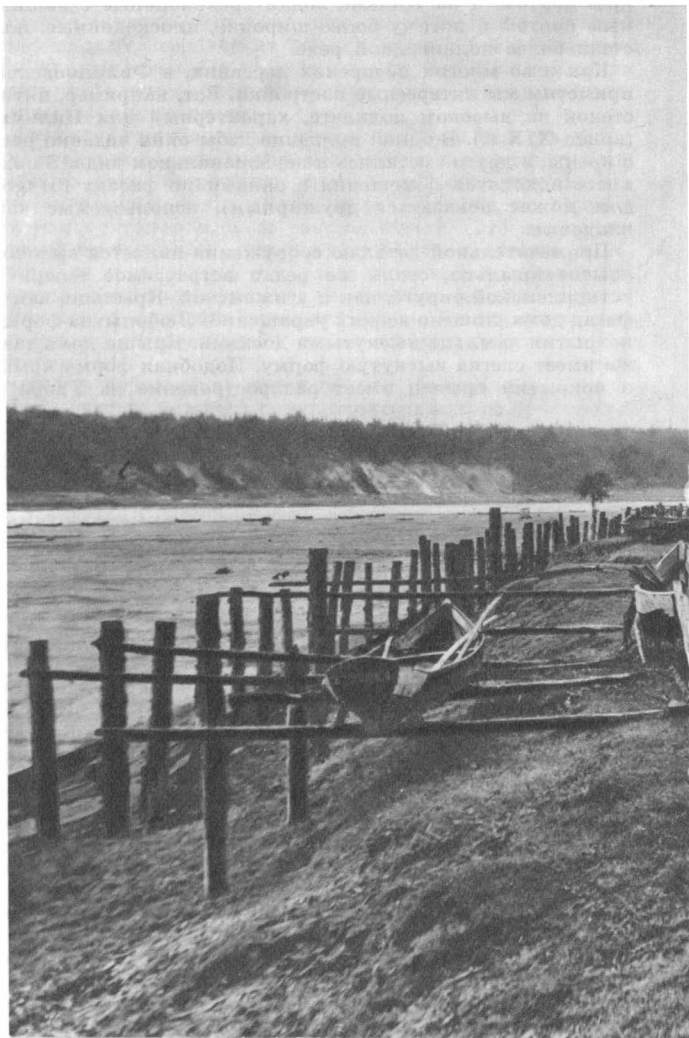

средней Мезени, откуда, возможно, занесена на ближнюю к ним Цильму.

Обратим внимание и на более характерный для здешних мест, чем двухъярусный, тип обычного амбара. Иногда у амбара, как у приведенного на снимке, вход оборудуется не по торцовой стене, а по боковой, что дает возможность продолжить свес кровли и соорудить под ним широкое предмостье.

В нашем путешествии мы могли убедиться, что на Печоре нет народных промыслов в собственном значении этого слова (т. е. промысел как основной заработок), но народные мастера-умельцы есть. И не только пижемские ложкари. Есть мастерицы, искусно плетущие женские пояски. Есть мастерицы-вязальщицы. Изделия печорских умельцев не раз выставлялись на районных и республиканских выставках и удостаивались почетных наград.

В селе Трусове за художественную вязку была удостоена диплома первой степени на республиканской выставке

*Дом с крыльцом
в деревне Филипповской.
Конец XIX в.*

в Сыктывкаре Ирина Филипповна Бобрецова. Ирине Филипповне восемьдесят лет, и награда ее мало волнует. Ни в каких выставках-конкурсах она участвовать не собиралась, это добрые люди попросили ее изделия и послали. Как начала она вязать с шести лет, так и вяжет по сей день. О своем мастерстве бабушка ничего не рассказывает, она вяжет себе и вяжет, а ты смотри, что получилось. Вяжет рукавички двуцветные, женские, с узором в виде снежинок, вяжет многоцветные. Вяжет мужские рукавицы: ладонь у них из замши, верх в пестрой вязке, в сочетании традиционных на Печоре цветов: черного, белого, красного, оранжевого. Вяжет женские носки с орнаментом на щиколотке и мужские носки с орнаментом и без орнамента. Как до нее ее бабушка вязала, так само собой, без уговоров, без курсов вязания, а через многолетний опыт передалось ей, как вообще передается народное искусство, не руководимое никем, а расцветающее, подобно цветам на лугу.

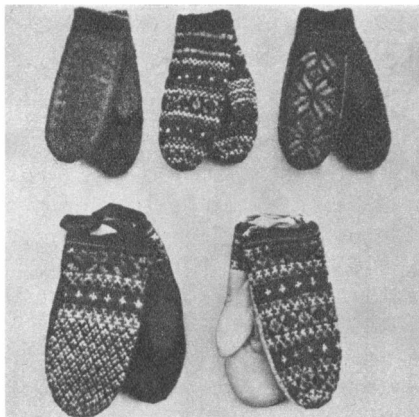

*Амбар в деревне
Филипповской. XX в.*

В деревне Филипповской живет другой умелец — Михаил Харитонович Колбин. Есть у нас в народе такие люди с золотыми руками — за что ни возьмутся, сделают. Когда появились на Цильме первые алюминиевые лодки, Колбин посмотрел и сам такую же склепал. Надо было новый клуб украсить картинами — не едут художники, — опять Колбин взялся.

Дан талант этому человеку. Быть бы ему художником, и готовился он поступать в художественное училище, да грянула война. А после войны попал в лесотехнический техникум, приехал из родной Чувашии работать на Север и осел здесь. Никто не учил его рисовать и писать маслом, но он пишет цилемские пейзажи, копирует с открыток и хотя понимает свою слабость, а тянет его к живописи.

Так же самоучкой взялся Михаил Харитонович резать по кости, и не по какой-нибудь, а по самой трудной, малоопробованной и профессиональными мастерами лосиной

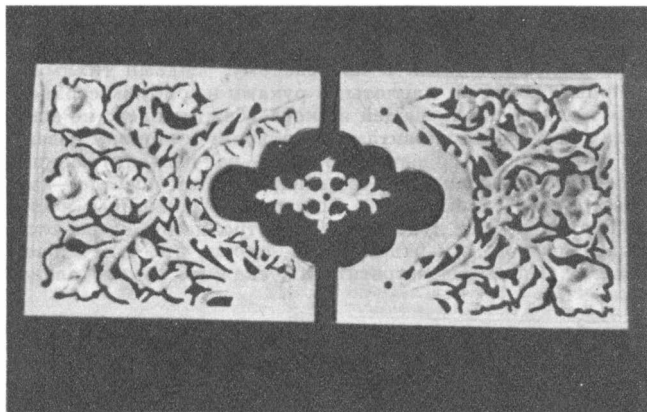

*Вязаные рукавицы
работы И. Ф. Бобрецово́й*

кости. У местных охотников берет Колбин лосиные рога, режет их на пластины — заготовки. Причем, оказывается, не всякие рога годны, лежалые не годятся. Нельзя и пересушивать заготовки, поскольку лосиную кость начинает «вести».

По своему воображению изобретает мастер орнамент и наносит карандашом на пластинку. Режет он простейшими, самым сделанными инструментами — заточенными гвоздиками или стальными пластиночками, укрепленными в деревянные рукоятки. Огромное терпение и любовь к делу нужны, чтобы прорезать пластину насквозь, сплести хрупкий узор завитков. За вечер удается сделать не более двух квадратных сантиметров.

Я рассказывал Колбину, как работают холмогорские мастера, какое облегчение внесла в труд костореза бор-машина. Он только улыбался: ведь он не профессионал, ничьих заказов не выполняет, а делает для своего удовольствия и домашним в подарок. Вот сделал подставку

Резьба по кости
М. Х. Колбина

под часы (эта вещь на республиканской выставке в Сыктывкаре получила премию), теперь делает шкатулку дочке в подарок. Да, шкатулку — венец мастерства костореза! Я говорю ему, что, может быть, начать с чего попроще, с брошек или еще чего, а он показывает почти готовую шкатулку, чуть осталось доделать, и коробочку с высокой крышкой обложить набором пластиночек, и видно — получится! Быть может, не все будет совершенно, но выполнено с небывалым старанием.

Лично мне работы М. Колбина представляются интереснее работ иных профессиональных косторезов, выполненных на поток, наскоро, часто по чужому эскизу. Умелец-любитель обладает по сравнению с ними преимуществом творчества: он не размножает одну вещь, а каждый раз создает новую. Он не торопится, просиживая за работой долгие зимние вечера, под линзой процарапывая пластину. И то, что создаст он, будет произведением самодельного, подлинно народного искусства. Ведь все то, что

называем мы народным искусством, образцы которого ныне украшают музеи, создавалось такими же людьми с неосознанной тягой к прекрасному, людьми тихими и неприметными, но с золотыми руками и золотым сердцем.

Встретишь таких людей и снова убеждаешься: не оскудела наша земля талантами. И отходят в сторону невзгоды пути и порой нелегкая дорога — радуешься и веришь, что не заглохнет творчество в народе. Нам повезло — мы повстречали таких людей. Ложкари, вязальщицы, косторезы продолжают художественные традиции Севера. Этих людей немного, им надо помочь, иногда простым словом участия. Когда вы встретите их, скажите им это слово.

Мы уже предупреждали читателя, что Печора не сразу раскроется. Поверхностным взглядом с налета можно проглядеть многое. Среди однообразных серых изб внезапно проглянет веселая деталь — конек на кровле. В дедовой старенькой избенке может оказаться рукопись, которую давно ждут ученые. В простом сельском труженике может проявиться подлинный художник.

Таков край Печорский — край неожиданных возможностей. Здесь так много простора, и он зовет все к новым странствиям. Есть свой особый, бодрый ритм в путешествиях по Северу. Север затягивает, хочется знать его больше, видеть больше. Так тянула и тянет меня к себе Печора, ее необъятность, ее величавость, ее стихийная сила. Здесь так вольно и хорошо...

Но автор чувствует, что невольно сбивается на поэтический лад, и потому уступает место настоящему поэту, тоже устьцилемскому умельцу Василию Журавлеву-Печорскому. О себе и своих земляках поэт пишет:

«Если ты родился в катагаре —
 Полотняном доме рыбака,
 Если ветер в этот час ударил,
 Молнию принес издалека,
 Прошумел на вешалах сетями,
 Вымыл их, почистил — и ушел
 За хребты, за тот былинный камень,
 Где нашли алмазы,—
 Хорошо!»

4. ПУСТОЗЕРСК

А на реке Печоре на правом берегу, от моря 40 верст, город Пустозерск, стоит на острове, обошло к реке озеро.

Книга Большому Чертежу

Приступая к рассказу о Пустозерске, автор должен огорчиться в том, что не включает этот пункт в свой маршрут, поскольку Пустозерского городка давно не существует. Осталось только историческое место, где стоял древнерусский заполярный острог, и осталась историческая память. Поскольку место это примечательное и поскольку пустозерская память в истории печорского края не простая и не скучная, а, может быть, самая драгоценная, мы стараемся собрать разные известия о Пустозерске, подожив тем самым рассказ о печорском прошлом.

Как упоминалось, древними поселенцами низовой Печоры было чудское племя «печора», жившее оседло, и племя «югра», кочевавшее в тундре у Лукоморья, побережья Карского моря. В X—XI веках на европейский северо-восток проникли новгородцы и подчинили его своему влиянию. О Печоре в «стране полуночной» было известно еще летописцу Нестору, как и то, что тамошние народы платят новгородцам «дани печорские». В «Повести временных лет» под 1096 годом приводится рассказ новгородца Гюраты Роговича о югорской земле: люди там сидят в высоких горах и пытаются оттуда пробиться, издавая «клич велик и говор». В горах есть отверстия, и через них можно торговать с тем народом очень выгодно: в обмен на железные изделия они дают меха. Но путь туда опасен...³².

Новгородские летописи с 1114 года сообщают об удачных и неудачных походах на Югру за печорской данью. Югорцы храбро защищались и не раз одолевали новго-

родские рати. Удачнее были торговые связи с Печорой и Югрой, в XIV веке в Новгороде существовало купеческое торговое объединение, называвшееся «Югорщина». В «Житии Дмитрия Прилуцкого» (XIV в.) содержится упоминание о торговых поездках «в поганские человеки, еже зовут югра и печора, иде же живут чудь и самадь»^{3 3}.

Таким образом, хотя Югорская земля и считалась зависимой от Новгорода, окончательно приведенной к покорности ее считать было нельзя. Поэтому, когда власть над Севером от Новгорода перешла к Москве, Московское княжество направило на крайний северо-восток своих новых владений воинскую экспедицию.

Трехтысячная рать выступила в поход под командованием князя Семена Курбского, князя Петра Ушатого и Василия Заболотского-Бражника. Согласно источникам, их отряд вышел с Кулоя на Печору в Ильин день (т. е. 2 августа нового стиля) на речных судах и, проделав долгий путь по северным рекам через волоки, достиг низовий Печоры, «да тут осеневали и город зарубили»^{3 4}. Было это в 1499 году.

«Город зарубили» не на самой Печоре, а в удалении, на полуострове озера, в то время соединенного с рекой судходным рукавом. По городку озеро получило название Городецкого, а речной рукав — шар, по-местному, — Городецкого шара. Само поселение было названо Пустозерском, то есть городком на Пустом озере. Название это отражает пустынность и бесплодность окрестных мест, а не «пустоту» самого озера, которое на протяжении четырех веков питало пустозеров рыбой.

Выбор места для укрепления в стороне от главной речной дороги ныне может показаться странным. Однако тому были, по-видимому, веские причины.

Первая та, что столь приметное место в округе не могло быть неизвестным прежде. Вполне очевидно, что новгородские рати, ходившие на Югорию, где-то становились станом, очевидно также, что новгородские купцы знали определенное место, куда они приезжали для торговли с кочевниками. Московская рать 1499 года двигалась на Крайний Север не наугад, а с опытными проводниками и с целью поставить воинский форпост в северных пределах государства. Если бы рать двигалась, не зная цели своего пути, трудно было бы понять, как они могли «зарубить город», если в окрестностях Пустозерска строевого леса нет? Естественнее предположить, что лес вместе с воинскими ладьями был сплавлен по реке.

Во-вторых, русский воинский человек средневековья руководствовался своими соображениями. Возводился самый удаленный острог Московского княжества на Севере (Мангазейский острог был основан столетие спустя). Вокруг кочевали далеко не мирные племена. Небольшой полуостров, окруженный с трех сторон водой, а с четвертой тундряной равниной, для сооружения крепости был местом наилучшим во всей округе. Весной же низина со стороны тундры заливалась водой, и городок оказывался как бы на острове (как ошибочно он описан в Книге Большому Чертежу).

На новом ли месте возник острог или, как логичнее предположить, на обжитом, докажут только результаты раскопок. Пока бесспорно одно: осенью 1499 года возник Пустозерский городок и стал первым постоянным русским поселением на Печоре. Отныне, с основанием острога, начинается освоение необжитой, загадочной реки. Понемногу начинают тянуться на Печору вольные русские люди, Ивашка Ластка и другие. Начинается история Устьцилемской и Ижемской слободок, о чем мы уже рассказали.

Чтобы понять, сколь «дальним и отлегло» считался Югорский край, покоренный Курбским и Ушатым еще до походов Ермака, любопытно заглянуть в «Записки» барона Сигизмунда Герберштейна, посетившего Московию в начале XVI века. Барону довелось встречаться с князем Семеном Курбским и слушать его рассказ о походе в Югорию. Герберштейн приводит интересные сведения, почерпнутые им из «Русского дорожника» (тогдашнего путевода по Руси, к сожалению, не дошедшего до нас), о «пути к Печоре, Югре и к реке Оби». Как обычно в средневековой географии, верные сведения перемешаны здесь с фантастическими: «Цильма впадает в большую реку Печору, которая в том месте простирается в ширину на две версты. Спустившись туда, в шестидневный путь достигают до города и крепости Пустозерска (Pustoosero), около которого Печора шестью устьями впадает в океан»³⁵. Далее описывается таинственная страна «Лукоморье на горах за рекою Обью». Люди Лукоморья засыпают на зиму наподобие лягушек и оживают весной. Еще восточнее живут люди с песьими головами...

Вблизи таких неведомых земель, в фантастичность которых верил образованный барон, посланец римского кесаря, пустозеры начали обживать вполне реальную, хотя и неприветливую землю. Население городка росло медленно, да оно и не было никогда большим. По данным «Платежной книги» 1575—1576 годов, в пустозерской округе числи-

лось 282 русских жителя (мужчин). В Пустозерскую волость входили также оседлые зыряне и кочевые «югорские самоеды».

В XVI веке Пустозерск становится важным торговым центром Крайнего Севера, через который идет меновая торговля с «самоядью». Отсюда торговцы отправлялись «за Камень» — за Урал, в низовья Оби и Енисея. В тех местах находилась сказочная «златокипящая Мангазея», где белки сами падали с неба. Предприимчивые люди, не считаясь с расходами и риском, отправлялись в тысячеверстные походы. По царской грамоте 1607 года мы можем проследить один из торговых путей. Пустозеры «ходят Печорою рекою на судах с великие товары, а с Печоры на Усу реку под Камень в Роговой городок, и тут они осеяют, а как дорога и к ним приезжают пустозерская менная самоедь, их знакомцы и други, и та озерная самоедь у тех торговых людей наймаютца и товары их возят за Камень по тундрам к ясашной и кунной самоеди, которая приходит с нашим ясаком на Обдор и в Казым...»³⁶.

Грамота XVII века определяет Пустозерск как «место пустое, поставленное для опочиву Московского государства торговых людей, которые ходят из Московского государства в Сибирь торговать»³⁷. Эта формулировка придает новый смысл названию «Пустозерск» — «место пустое», то есть такое, где невозможно привычное для русского поселенца земледелие — бесплодная тундра кругом, пустое место. Потому и жили тут служилые да торговые люди. Молва о печорских и сибирских мехах дошла и до английских купцов, которые бывали здесь в XVI веке и даже прожили две зимы.

Невелик был городок, а далеко прославлен. По описанию 1670 года, в Пустозерском остроге кроме съезжей избы, воеводской избы, крепости и тюрьмы находились таможня, кружечный двор, постоялый двор, подворье Пинежского Красногорского монастыря (для лова красной рыбы), четыре церкви, из них Преображенская соборная, жилые дома посадских людей, амбары торгового человека Бородина — всего более ста жилых и иных построек. (Это описание соответствует чертежу Пустозерска в книге Н. Витсена.)

Городок был административным центром края, сохраняя это значение до 1780 года, до учреждения города Мезени и перевода туда местного управления. Здесь было воеводство, жили стрельцы. Военная команда постоянно содержалась в городке до XIX века.

Жители тундры выражали недовольство притеснениями пустозерских воевод. Во времена Ивана Грозного ненцы посылали к царю двух челобитчиков, царь подтвердил их права на угодья и рыбные ловли и не велел притеснять. XVII век в Пустозерье отмечен частыми выступлениями кочевников, недовольных данью, ясаком. «Ясачная самоьядь заворовалась»³⁸ — скупо сообщают пустозерские документы. Особенно опустошительны были набеги «большой карачейской самояди» — приуральского племени. Про карачеев ходили легенды, что не берет их ни пуля, ни нож, стойбища их видны только издали, подойдешь ближе — сквозь землю уходят. Видимо, это были смелые люди, выходившие с луками против стрелецких пищалей. Зимой 1662/63 года Пустозерск был сожжен восставшей самоядью. Нападения повторялись в 1667, 1668 и 1670 годах. Продолжались набеги и в первой половине XVIII века. Последний набег был в 1746 году. Расправа с восставшими была суровой. До сих пор выступающий на проти-

*Автограф протопопа
Аввакума. Институт
русской литературы
АН СССР, Ленинград
→*

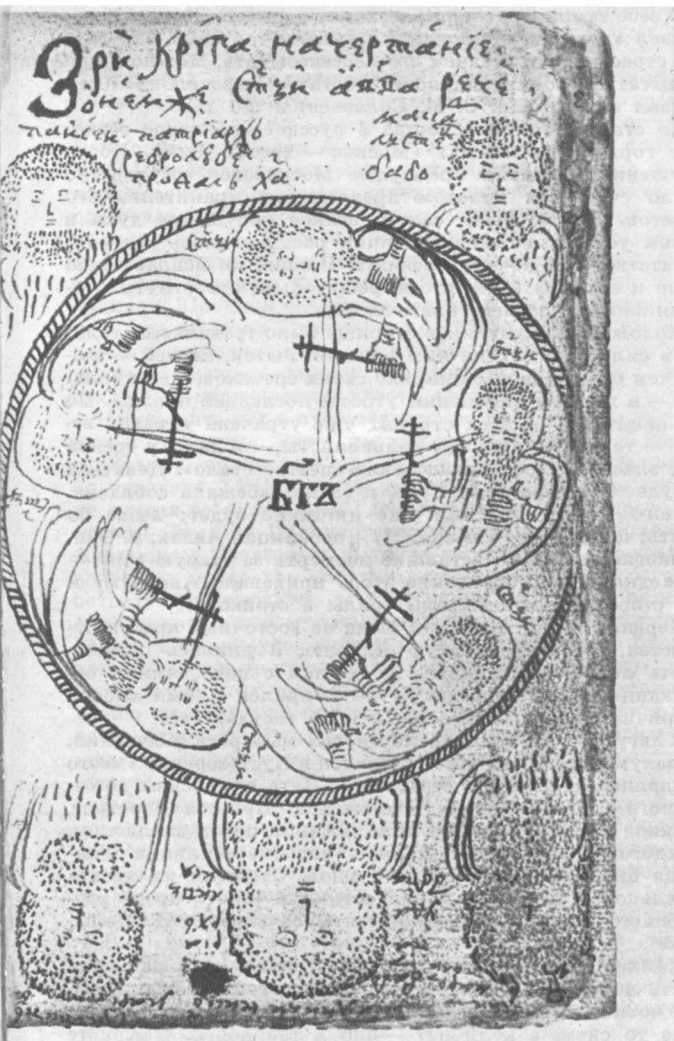
воположном пустозерскому берегу мыс хранит название Виселичного наволока. На нем, по преданию, вешали виновных карачеев.

Не тихой и не мирной, как видим, была жизнь отдаленного северного острога. И уж конечно, нелегкой за Полярным кругом, под 67°32' северной широты, в холодном и голодном крае. Был Пустозерск в те времена в полном смысле слова краем земли, у «Дышучаго моря», Ледовитого океана. Дальше, казалось, и жилого места нет. Потому и был избран городок для ссылки самых опасных государственных преступников.

Начинается новая, скорбная страница пустозерской истории, отмеченная незаурядными именами.

Первым открывает пустозерский мартиролог великий протопоп Аввакум с «соузниками» — старцем Епифанием, попом Лазарем, дьяконом Федором. Здесь они пятнадцать лет томилась в земляной тюрьме, здесь приняли мученическую кончину.

О себе самом протопоп рассказал в своем «Житии», рассказал «русским природным языком», так ярко, энергично, страстно, что незачем его пересказывать. Можно лишь попытаться понять личность «богатыря-протопопа» (как назвал его историк С. М. Соловьев) и его дело.

Со старца Филофея вошла в русское церковное сознание горделивая мысль: «Москва — третий Рим». После крушения Византии крепнущее Московское государство стало считаться оплотом православия, хранителем его заветов. Заветы были святы, всякое нарушение духа и буквы установившейся традиции расценивалось как святотатство. Вот почему реформы Никона по исправлению книг и обрядов были столь решительно отвергнуты сторонниками «древлего благочестия».

Положение защитников старины было трагично не только в силу начатых на них гонений, пыток, казней — всего, чем средневековые смиряло своих еретиков, а еще больше — в жутком ощущении утраты последней правды. По их понятиям, во всех странах уже утрачена «правая вера» — там латиняне, там кальвинисты, — и даже у греков под властью турок православие «пестро стало». Деваться некуда. Осталась одна Русь, и та не избежала соблазна. «Иного же отступления уже нигде не будет: везде бо бысть; последняя Русь zde»³⁹, — восклицал Аввакум. Они, немногие «верные», вставшие насмерть за старую веру, — последняя Русь. Осознание этого придавало Аввакуму и его сторонникам небывалые силы и стойкость.

Первая ссылка Аввакума была на восточный край государства, в Забайкальскую Даурию, и длилась одиннадцать лет. Возвращенный из ссылки с почестями и обласканный царем, Аввакум не смирился и был сослан вторично, теперь на северный край государства.

В августе 1667 года, после многих мытарств и мучений, Аввакум с друзьями был отправлен в Пустозерск, в «место тундряное, студеное и безлесное». Путь от Москвы до северного острога длился три месяца. Привезя в острог, узников сначала содержали по избам, а потом заключили каждого в земляную тюрьму, наподобие землянки. Узилища были обнесены общей стеной. Стерegli их десять стрельцов с сотником и полусотником (нечто вроде разводящего караула, сведения взяты со слов В. И. Малышева).

«Миленькие мои! Аз сижу под спудом тем засыпан. Несть на мне ни нитки, токмо крест с гойтаном да в руках чотки — тем от бесов боронюся. Да что Бог пришлет, и аз то снем, а коли нет — ино и так добро. О Христе

Исусе питайся наш брат, живой мертвец, воздыханием и слезами, донеле же душа в теле. А егда разлучится, ино и так добро: жив погребен»⁴⁰.

Несмотря на столь страшные условия содержания, узники имели контакты между собой, обменивались грамотками и рукописями (Аввакум даже вступил в богословский спор с дьяконом Федором и, по горячности, проклял его). Пустозерские жители и стражники, простые люди, проникались доверием к узникам, видя их идейную водущевленность, помогали рассылать грамотки. (В одном из писем Ф. П. Морозовой Аввакум писал, что отправляет его со стрельцом, вложив в полое отверстие в ручке бердыша. Известен пустозерец Алексей, единомышленник узников. Юродивый Киприан, связной пустозерских узников, был казнен в Пустозерске в 1675 г.) Послания Аввакума «к верным», к «чадам духовным», написанные пламенным языком, искрами разносились по всему Северу, звали к сопротивлению власть предержащим.

Пятнадцать лет в пустозерской темнице — годы высшей славы Аввакума. Здесь им написаны «Житие» и другие сочинения, принесшие ему позже признание выдающегося писателя XVII века. А протопоп не был писателем и не считал себя таковым. Где ему было до премудрого философа Симеона Полоцкого, который вместе с боярином Артамоном Матвеевым пытался переспорить некогда Аввакума и отказался от этого, приговаривая: «...острота, острота телесного ума, да лихо упрямство»⁴¹. Он оставался нижегородским мужиком и сознавал это, не унижаясь, перед книжной ученостью: «...того ради я и не брегу о красноречии и не унижаю своего языка русского». «Вы, Господа ради, чтущие и слышащие, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных Бог слушает, но дел наших хочет»⁴².

В бесхитростном протопоповом «вякании» раскрылась яркая, образная, энергичная народная речь. Необычайная емкость его фразы, сжатость и стремительность, пожалуй, никем не превзойдены не только из современников, но и последующих писателей.

Успел-таки «навякать» протопоп в пустозерском заключении «многонько», говоря его словами. Не был литератором, а выставил своего рода литературную программу возвращения от книжного мертвого языка к живому, простонародному, что станет делом последующих писателей. Консерватор, здесь он оказался впереди века!

Блюститель нерушимости древних заветов, он осудил и осмеял новую иконописную манеру: «...лишут Спасов образ Еммануила, лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног бедра толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишо сабли той при бедре не писано»⁴³. И здесь протопоп оказался прозорлив, поняв, что новая манера — разложение и гибель иконописи как самобытного искусства. Но задержать гибель милой ему «последней Руси» он был не в состоянии. Протопоп остался среди ее последних борцов и выстоял до конца.

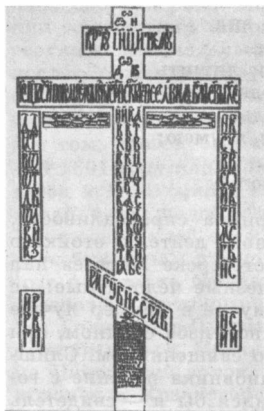
Главное в дерзкой, нетерпимой натуре Аввакума — бунт, «русский бунт». Как бунтовали другие мужики в разинских ватагах, так бунтовал протопоп в церковной среде⁴⁴. Был он «народным агитатором», по оценке историка В. О. Ключевского. Несмиряемо, бесстрашно укорял самого царя: «А кирелеисон-от оставь <...> ты, ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не уничтожай ево и в церкви и в дому, и в пословицах»⁴⁵. А новому царю Федору отписал, что сидит его отец в аду. За превеликую дерзость, «за великие на царский дом хулы» был сожжен Аввакум с «союзниками» в срубе.

Произошло это 14 апреля 1682 года (старый стиль), в пору, когда приходит на Печору весна и летят над тундрой лебеди... И потому пошла молва в народе, что улетели душеньки страдальцев белыми лебедями...

Надолго сохранилась аввакумова память среди пустозеров. Знали люди место, где сгорели страдальцы. Песочек там был такой белый-пребелый, помогал от зубной боли. Академик А. Шренк, посетивший Пустозерск в 1837 году, описывая его скудный облик, свидетельствует: «К этой унылой картине присоединяется еще воздвигнутый по соседству деревянный крест, окруженный высоким забором из досок и украшенный разными фигурными арабесками; это древний памятник, который у прибрежных жителей почитается под именем Аввакумова креста и с которым связано историческое предание»⁴⁶.

Крест этот существовал еще в начале XX века. Изображение его опубликовано в некоторых старообрядческих изданиях. Согласно надписи, крест был водружен «1788 года марта 1 дня <...> тщанием господина мезенского купца Петра Протопопова...» — будто бы потомка протопопа Аввакума.

Еще сидел несмиряемый протопоп в земляной тюрьме, как привезен был на Пустозеро в 1677 году новый зна-

*Так называемый
«Аввакумов крест».
XVIII в.*

менитый ссыльный — боярин Матвеев, который вместе с Симеоном Полоцким лет десять назад пытался переспорить Аввакума («Разошлись, яко пьяни», — вспоминал протопоп в «Житии»).

Высоко было значение Артамона Сергеевича Матвеева при государе Алексее Михайловиче, был он хранителем царской печати и «государевых посольских дел оберегатель», но при новом царе Федоре Алексеевиче недруги добились его свержения. Матвеев был обвинен — в духе времени — в «покушении на жизнь царя через посредство аптекарской палаты» и в колдовстве. И попал ближний боярин в «место плачевное, в Пустоозеро».

Этому человеку посвящена одна из «дум» Кондратия Рылеева.

«Муж знаменитый, друг добра,
Боярин Артемон Матвеев
Был сослан в ссылку от двора
По клеветам своих злодеев...

"Пустоозерска дикий вид,
 Угрюмая его природа
 Не в силах твердости лишить
 Благотворителя народа.
 Своей покорствуя судьбе,
 Быть твердым всюду я умею;
 Жалею я не о себе.
 Я боле о царе жалею'".

Рылеев видел в Матвееве поборника справедливости, идеализировал образ государственного деятеля, стойкого в несчастье. На самом деле в Пустозерске Матвеев пал духом и постоянно писал царю слезные челобитные: «с голоду страждем», хотя жилось ему не в пример лучше протопопа. Боярин жил в собственной избе с сыном, при них было тридцать человек слуг со священником. Слишком ошеломительным было для сановника падение с государственных высот. «Не постыдился бы я — свидетель мне Господь Бог! — именем его ходить и просить милостыню, да никто не подает и не может подать, ради нужды...»⁴⁷.

В 1680 году Матвеева перевели на Мезень, но и здесь ему пришлось туго: «А на Мезень велено нас переволочь от Пустозерского и горькослезного места, от моря к тому же пустому морю, за тою ж теснотою и стражею темничною, а на Мезени нам тунедателей нет...»⁴⁸. Боярин обиженно жаловался, что Аввакумовой жене и детям, посланным на Мезень, дают больше на прокорм.

Царь Федор Алексеевич незадолго до кончины помиловал Матвеева (царская невеста била челом). Матвеев был возвращен с почестями и занял высокое место при малолетнем Петре. Но недолго торжествовал боярин. Он был растерзан взбунтовавшимися стрельцами 15 мая 1682 года. А месяцем раньше в Пустозерском остроге был сожжен «огненный протопоп...».

Так удивительно переплетаются между собой человеческие судьбы.

В это причудливое историческое переплетение событий конца XVII века попал и Василий Васильевич Голицын, давний враг Матвеева. Образ великого канцлера, фаворита царевны Софьи, человека манер утонченных, учености европейской, воссоздан А. Толстым в романе «Петр Первый». Судьба оказалась несправедливой к Голицыну. Это был передовой человек своего времени; составленный им план государственных преобразований, отмены крепостного права и перехода к труду вольных земледельцев да-

леко обогнал свою эпоху. «Подобные мысли о разрешении крепостного вопроса стали возвращаться в русские государственные умы не раньше как полтора века спустя после Голицына»⁴⁹, — писал В. О. Ключевский. Ирония судьбы в том, что преобразователь оказался в рядах консерваторов, даже во главе их. Насмешка судьбы сказалась и в том, что он был обвинен в сношениях с колдунами.

В 1691 году попал Голицын в Пустозерск на место Матвеева и даже жил в его бывшей избе. И он пал духом и писал царю челобитные, схожие с матвеевскими: «А в Пустозерее хлеб зело дорог и всякая живность, и помереть будет нам томною и голодною смертию. Милосердные и великие государи! велите нас бедных и невинных возвратить из такого злого тартара!»⁵⁰ Двадцать лет провёл Голицын в Пустозерске. Его старший сын помешался с тоски и горя. Наконец, в 1710 году Голицына перевели на Пинежский волок, где он в 1714 году скончался и похоронен в Красногорском монастыре.

Но помимо знатных ссыльных, о которых сохранилась память, немало было в Пустозерске и неизвестных ссыльных, в частности участников крестьянских восстаний Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачева.

Так заполярный городок оказался вовлеченным в историческую коловерт, стал причастным к государственным потрясениям. Здесь заканчивалась слава одних и возгоралась слава других.

Но понемногу течение истории перестало задевать Пустозерск. Утратил он и свое торговое значение — торговля с Сибирью пошла иными путями. Перестал он быть портом на Печоре — шар, по которому могли проходить большие суда, затянуло песком в XVIII веке. Перестал он быть и административным центром края. Ветшают и рушатся деревянные стены острога, и к началу прошлого века он уже ничем не отличался от других печорских сел, а потом и вовсе стал деревушкой. Только название по-прежнему за ним держалось — Городок (в отличие от Городка, Городом в Печорском крае называли далекий Архангельск, а Слободой — Усть-Цильму).

Не только великими ссыльными прославился Городок в истории. Велика его роль в освоении Арктики. Нелегка была жизнь в заполярном крае, но жили здесь отважные русские люди. На своих кочьях и ладьях выходили пустозеры в Ледовитый океан, к Матке — Новой Земле, к устьям сибирских рек, забирались и на Грумант — Шпиц-

берген. Участвовали пустозеры и в ряде северных экспедиций. Это тоже история, героическая история, хотя действующие лица ее нам в большинстве неизвестны.

По сохранившимся изобразительным материалам и документам попытаемся восстановить облик бывшего Городка.

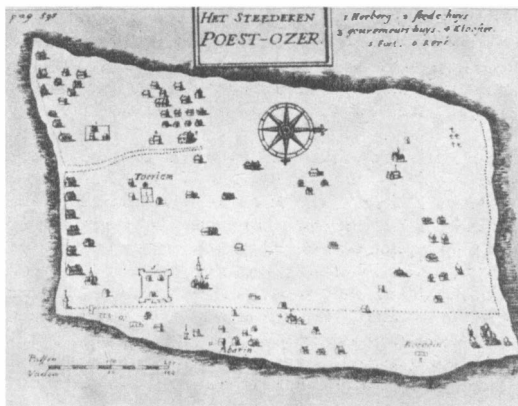
Пустозерск, как говорилось, никогда не был большим поселением. Невелик он и на плане XVII века — времени его расцвета — в книге Н. Витсена «Северная и Восточная Татария»⁵¹. Мы видим сравнительно незначительное число построек, рассеянное по периметру неправильного четырехугольника. Жилые дома теснятся к оконечности полуострова, вдающейся в озеро. Поодаль — воеводская канцелярия, таможня, тюрьма и форт. Тюрьма представляет собой четырехугольную ограду, разделенную внутри на четыре части («струб в земле, и паки около земли другой струб, и паки около всех общая ограда за четырьмя замками»⁵², по описанию Аввакума) — она была построена в 1670 году специально для содержания «пустозерских отцов» — Аввакума, Епифания, Лазаря и Федора.

Судя по названию Пустозерска «острогом», «городком», можно вообразить его облик в виде небольшой крепости с деревянными стенами. На самом деле, как свидетельствует приведенный Н. Витсеном план, частокол был лишь с северной и северо-западной сторон и предохранял не столько от нападений кочевников, сколько от снежных бурь, налетающих через тундру с океана. Для воинской надобности существовал лишь небольшой острожек, названный на плане «фортом». Туда, видимо, и скрылось население злополучной зимой 1662—1663 года, когда карачей сожгли Пустозерск, точнее его посадскую часть.

Столетие спустя, после упразднения пустозерского воеводства, Городок приходит в упадок. По сведениям Трепицына⁵³, в Пустозерске три церкви: Преображенская (1643 г.), Введенская (1740 г.) и Георгиевская (1710 г.). Казенного строения: канцелярия, винный и провиантский магазин, пороховой амбар и два питейных дома. Жилых домов — 47, жителей мужского пола — 80.

Путешественники, посетившие Пустозерск в XIX веке, дополняют общую картину скудного облика Городка. «Пепельно-серые дома, разбросанные на песчаных равнинах, безлюдные улицы, все это отнюдь не соответствовало той веселой наружности, которая представлялась нам издали»⁵⁴, — писал академик А. Шренк.

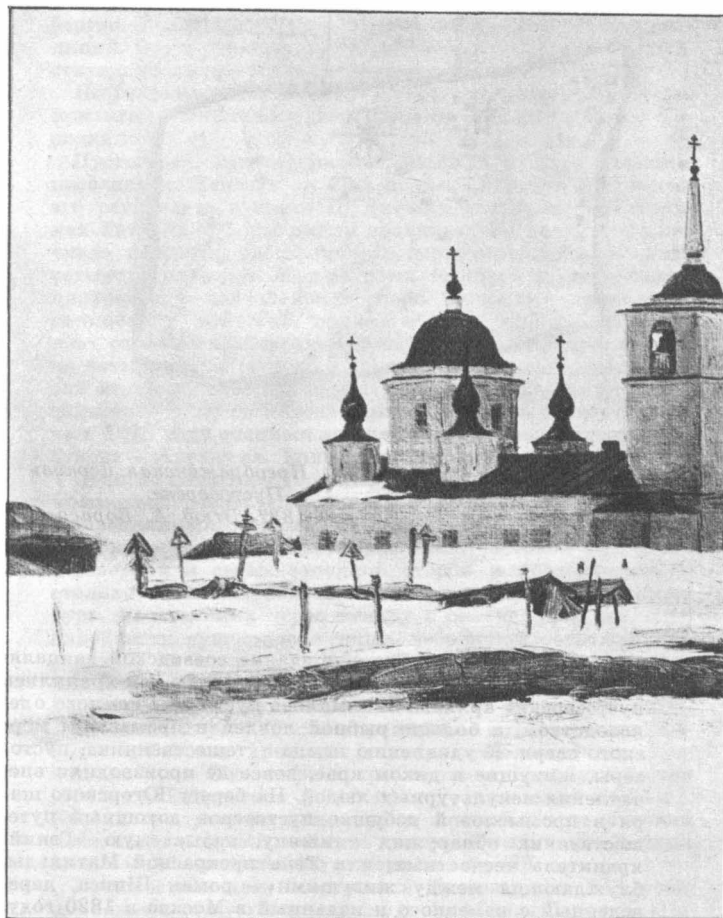
По описанию Шренка, некогда в Городке было четыре церкви, две из них сгнили, и на их месте собирались ста-

План Пустозерска XVII в. Преображенская церковь
Из книги Н. Витсена в Пустозерске.
1837. Этюд А. Борисова
→

вить новую. Достаивало еще здание воеводской канцелярии, упраздненной лет шестьдесят назад, в ней хранились пустозерские архивы. Занимались пустозеры немного оленеводством, а больше рыбной ловлей и промыслом морского зверя. К удивлению немца-путешественника, пустозеры, живущие в диком крае, вовсе не производили впечатления некультурных людей. На берегу Югорского шара в промысловой избушке пустозеров дотошный путешественник обнаружил книжицу, называемую «Гений-хранитель несчастных, или Тень прекрасной Матильды, блуждающая между живущими» — роман Шписа, переведенный с немецкого и изданный в Москве в 1820 году.

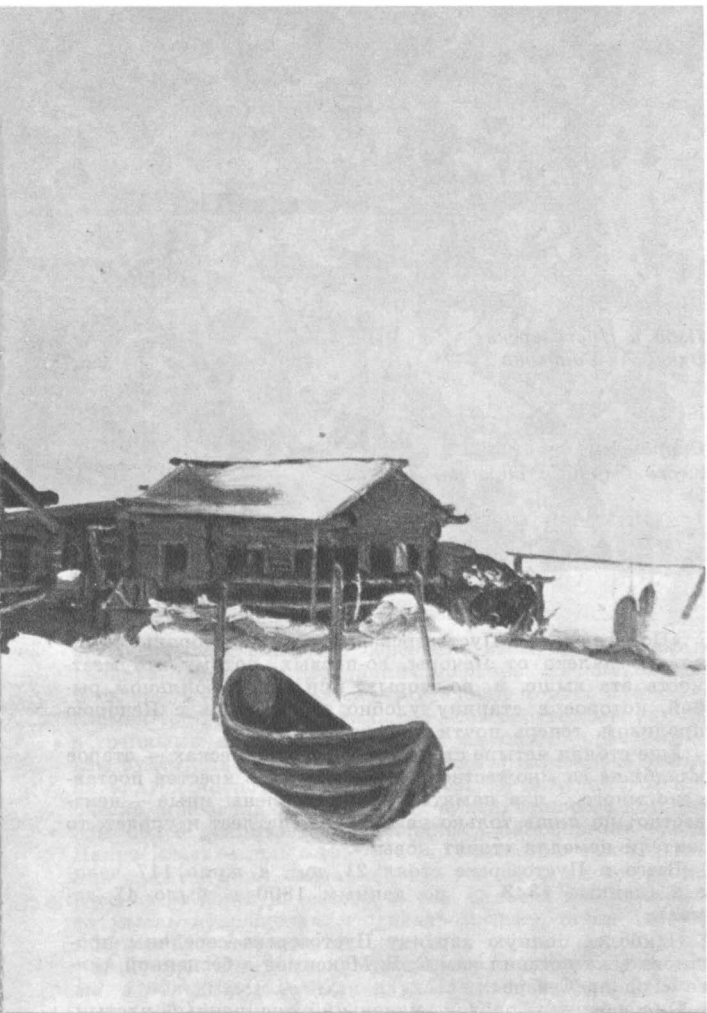
Василий Николаевич Латкин, неутомимый исследователь богатств Печорского края, сообщает схожие впечатления от городка. «Скучна была эта дорога: кругом мелкие озера, местами песчаные, довольно высокие бугры; на них изредка одиноко и группами лиственни, редко стройные, а более уродливые...»⁵⁵.

*Изба в Пустозерске.
Этюд А. Борисова*

←

*Современный вид
места бывшего Городка*

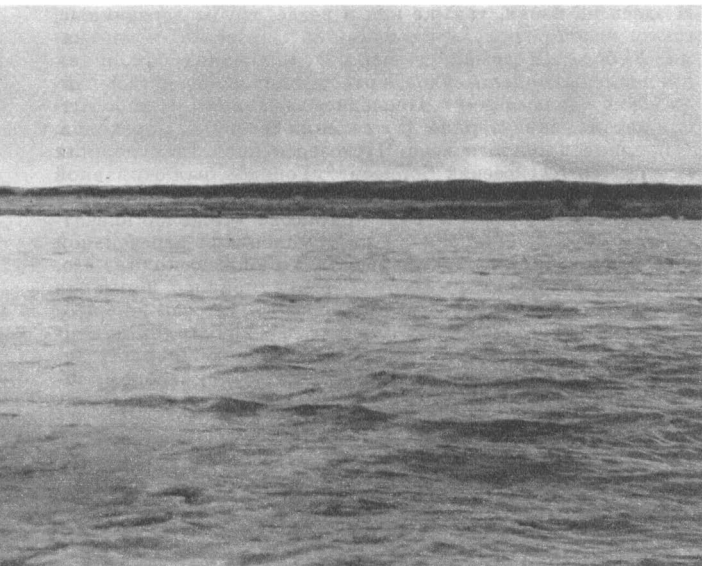
«Полагают, что Пустозерск выстроен в усторонье и довольно далеко от Печоры, во-первых, потому что местность эта выше, и, во-вторых, при озере, обильном рыбой, которое в старину удобно соединялось с Печорою проливом, теперь почти несуществующим»⁵⁶.

Еще стояли четыре старые церкви, а на песках — старое кладбище со множеством крестов. «Здесь крестов поставлено много... а в память чего поставлены иные — неизвестно; но лишь только какой крест истлеет и упадет, то жители немедля ставят новый»⁵⁷.

Всего в Пустозерске стоял 21 дом, а жило 117 человек (данные 1843 г., по данным 1800 г. было 47 домов).

Наиболее полную картину Пустозерска середины прошлого века оставил нам С. В. Максимов в бесценной книге «Год на Севере».

Он изобразил Городок «маленький, уединенный, пустынный...».

«Как теперь вижу его серенькие избы, из-за которых глядела одинокая деревянная церковь с колокольней. Весь он уютно сбился в кучу и словно только что вчера сломан острог — неправильный четверугольник с заостренными наверху толстыми и высокими бревнами — как будто для того, чтобы селение все оставалось теперь на виду и на потеху ветров и вьюг, набегающих сюда с океана, и неоглядность снежных полей, величина которых еще более усиливает пустынную и однообразие видов. Напросилась мысль о том, что это крайний и самый дальний предел моих скитаний, что это одно из последних русских селений на севере, и еще сильнее сжала сердце та мысль непрощеная, что недаром здесь такая пустынь и бесприветная даль...»⁵⁸.

Максимов отметил добротность жилищ пустозеров: дома в большинстве были двухэтажные, прочные. «Но и здесь, как и везде на Печоре, в домах понаделано много окон, вероятно, для большого света в долгие осенние дни.

И здесь на избах, так же как и везде, трубы деревянные, также испещренные прихотливыми вырезками и коньками. У богатых домов на верхних маленьких балконах прилеплены модели судов, грубо, топорно, но чрезвычайно верно сделанные»⁵⁹. Последнее замечание — любопытная деталь, характерная для селения северных мореходов.

В конце прошлого века Пустозерск посетил художник Александр Алексеевич Борисов⁶⁰. Городок был отправной точкой в его путешествии к Карскому морю и на остров Вайгач. Пустозерск оставил у Борисова «тяжелое впечатление». К тому времени он стал маленькой деревенькой в десять домов, соседняя деревня Устье превосходила его. Живописный облик бывшего Городка привлек внимание художника. Он написал зимний пейзаж Пустозерска с церковью на переднем плане. Церковь деревянная, на каменном фундаменте, поставленная в 40-х годах прошлого века, ординарной формы с колокольней над притвором, обшита и выкрашенная охрой. От давней пустозерской ста-

*Обетный крест
в деревне Устье.
1866*

→

рины ко временам Борисова не осталось ничего, но в облике домов еще сохранялись формы седой древности. Изба, запечатленная художником на другом этюде, кажется постройкой XVII века. Хороша эта изба в окружении высоких сугробов в розовом сиянии морозного солнца! Обращает внимание на себя ее высокий резной дымник, какие ставились обычно на курных избах (деталь, отмеченная Максимовым в вышеприведенной цитате, но курных изб в Пустозерске не было, по словам того же Максимова, видимо, это футляр над каменной трубой). У дома маленькие оконца с частыми переплетами рам, ниже окон по фасаду избы идет узенькая галерейка с резными перильцами. Такие галерейки, обходившие дом кругом, строились на Севере не только для украшения, но и по необходимости, как и ставни на окна. Ставни предохраняли от морозов и злых ветров, а галерейки служили практическим целям — отрывать окна от заносов снежных бурь, беспощадно дующих через тундру с холодного океана. Борисов

дал последнее художественное свидетельство о Пустозерске.

В издававшейся в те же годы энциклопедии Брокгауза-Ефрона о Пустозерске сказано: «Никакого торгового и промышленного значения П. не имеет»⁶¹.

Ни в первом, ни во втором издании Большой Советской Энциклопедии о Пустозерске нет упоминаний: к тому времени он перестал существовать.

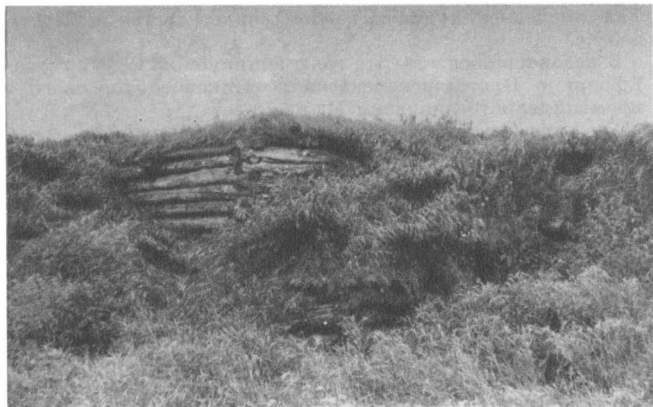
Дважды довелось мне побывать на месте бывшего Городка, и первое впечатление, конечно, сильнейшее. Вспоминается ясное, росистое августовское утро того дня, совсем не северного, когда шли мы от Тельвиски лесом, только лес тот был невысок, но все же лес с чащей, откуда доносились голоса перекликающихся грибников. Три с лишним часа длился наш путь, и по мере приближения к деревне Устье, стоящей близ Городецкого озера, возрастало наше нетерпеливое волнение: неужели Пустозерск увидим!

*Обетный крест
в деревне Устье.
1866*

←

От Устья через озеро нас вез на моторке местный рыбак. Крутые волны подбрасывали лодку; гудел мотор — в его гуде чудился мне некий суровый напев, под стать серым взлохмаченным водам, нависшему низкому северному небу, а впереди все явственней вставал озерный мыс и на нем памятный обелиск и покосившиеся поморские кресты.

Лодка ткнулась в берег, мы вступили на пустозерскую землю. Склоны пологого холма поросли сухой седой травой — казалось, что и трава здесь хранит цвет старины. Мы взошли на холм, и открылось незабываемое зрелище: среди низин и вод двумя тесными кучками стояли высокие резные кресты. От города остались затянутые песком ямы, догнивающие бревна, где, как и что было — теперь невозможно угадать, песок давно сровнял все. Только кресты, огромные, выше человеческого роста, серые, столетние, хранили память о городе. Почти все они были одинаковой формы и, встав рядом, напоминали дружину

*Сруб бывшей набережной
в Пустозерске*

ратников, и если один из них падал, то, как воин, навзничь, раскинув руки-перекладины.

В одну сторону, простираясь к Печоре, тянулась серая тундряная степь с кустарником в отдалении, кажущимся лесом, в другую, за озером, — пески и тундра, и над всем низкое небо, быстро несущиеся тучи, редкие лучи солнца в просветах.

Ненадежна, изменчива здесь погода: утро было ясное, тихое, днем — ветер, тучи... Север... Два месяца здесь лето, а снег лежит все восемь...

Большей отрешенности, пустынности трудно вообразить. Казалось, что и в самом деле ты на «краю света», что тут обжитая земля кончилась и нет больше ничего, кроме угрюмого неба, серых вод и унылых песков...

Еще достаивали на оконечности полуострова три последних, покинутых дома. Два больших двухэтажных дома разрушены: рухнула кровля, потолочные балки провисли, часть стен раскрыта, окна выбиты. Но по остаткам

*Памятник Пустозерску.
1960*

домов было видно, что строили пустозеры прочно, основательно, просторно — по-северному. Только одна маленькая избенка, вросшая в землю, еще сохранялась, но тоже нежилая.

Долго ходили мы по месту бывшего Городка, стараясь запомнить увиденное...

Не надеялся я попасть сюда еще. Но довелось.

Была та же пора короткого северного лета, что и десять лет назад, но погода была еще хуже: сыпал холодный дождь, порывами налетал резкий ветер. От Тельвиски по седой Печоре, мимо однообразных берегов, поросших ерником, мчались мы на моторке Городецким шаром — рукавом реки — через беспокойное Бабье озеро и дальше до виски — протоки в Городецкое озеро.

У деревни Устье мы пристали к берегу. В прошлую поездку заметил я здесь обетный крест 1868 года. Крест был цел и даже укреплен чьими-то заботливыми руками. Местные жители сберегли его как единственный сохра-

*Мемориальная доска
на памятнике Пустозерску*

нившийся памятник такого рода в округе. Крест покрыт на два ската с резным охлупнем. Лицевая плоскость столба и переключин декорирована резьбой в виде кругов с помещенными в них литерами. Внизу, у самой земли, можно разобрать вырезанную на столбе надпись: «Крест сей поставлен сентября 27 д 1868 года». Обратная сторона креста украшена порезкой волнообразного рисунка. Были некогда у креста и резные причелины. Крест был поставлен по случаю избавления от падежа скота. Пожалуй, из всех известных нам северных обетных крестов этот самый северный.

До сих пор сохранился в Устье и перевезенный сюда сруб пустозерской церкви. Постройка используется ныне для хозяйственных целей, но полностью сохраняет прежние очертания храма, трапезной и пятистенной апсиды. Следует сбегать и этот памятник — Преображенскую церковь 1837 года — единственное строение, оставшееся от бывшего Городка.

И снова серо-желтые волны Городецкого озера. Встает впереди знакомый пологий мыс. Все ближе земля пустоозерская... Снова гудит мотор, и приближается холм с крестами и обелиском.

И вот — земля Пустозерска. По песчаной полосе поднимаемся на бугор, идем бывшим Городком... Почему-то кажется полуостров меньшим, чем показался в прошлый раз. Тогда стояли на оконечности мыса три полуразвалившихся дома, теперь их нет — теперь пусто место. И крестов на старом кладбище осталось совсем мало.

Стоит среди последних пустоозерских крестов памятник, свидетельствуя о бывшем городе. Сложен он из камней фундамента некогда стоявшей здесь у кладбища церкви. Очертания церковного фундамента видны в бурьяне. Площадь бывшего Городка покрыта сплетшимися травами, в которых догнивают бревна, попадаются ямы. Все еще угадываются следы жилья, спуски от домов к озеру по ложбинам. Возвышенный берег, выступающий мысом в озеро, порос крапивой и бурьяном, как всегда бывает на месте бывшего жилья. Он обрывается к озеру черным откосом, хранящим нераскопанные еще культурные пласты. Прежде берег был укреплен срубями, остатки которых видны и по сей день. Озеро понемногу подмывает берег, и порой устьинские рыбаки находят в прибрежной полосе разные предметы. Пока же сюда не заглядывали археологи. А ведь что-то таит земля пустоозерская!

Да, все так же — с трех сторон озеро, с материковой — бурые пятна тундры и темнеющая масса кустарника, кажущаяся лесом. За озером тянется узкая отмель Виселичного мыса, далее — Ловецкая лахта, еще южнее выступает горкой над озером песчаный откос со скудной растительностью поверху... Серый, дождливый, неприглядный день, ветер взлохмачивает волны, и некуда скрыться от непогоды — пусто место. И только памятник, дело рук человеческих, тянет к себе, будто возле него теплее.

Да, теплее — потому что вложено в его созидание человеческое сердечное тепло. Памятник этот поставлен по инициативе В. И. Малышева. Много усилий потратил он, чтобы провести идею в жизнь, вложил в дело не только душу, но и собственные средства, заказав мраморную доску с им же составленным текстом о краткой истории Пустозерска:

«На этом месте находился г. Пустозерск, основанный в 1499 г.— экономический и культурный центр Печорского края, сыгравший важную роль в освоении Крайнего Севера...» Далее следует краткое перечисление исторических

событий, связанных с Городком, вплоть до последнего. «Весной 1918 г. в Пустозерске состоялся волостной съезд Советов, провозгласивший Советскую власть в низовьях Печоры».

Я начал эту книгу обращением к памяти Владимира Ивановича Малышева. И теперь, в конце пути, снова вспоминаю о нем. Отсюда ученый начал свои археографические поиски в Печорском крае, сюда приезжал в одну из последних своих поездок на Печору. Слова «Печора», «Пустозерск», «Аввакум» были для него священными. Всякий, писавший о них, попадал в сферу интересов ученого, мог рассчитывать на его доброжелательное внимание. Так разыскал он и меня, зазвал в Ленинград, привел в Пушкинский дом, раскрыл шкафы Печорского собрания... И теперь, в год его кончины, я не мог не приехать сюда, на Печору, не мог не прийти в Пустозерск!

В дальнем крае, в стороне от широких дорог лежит пустозерский полуостров. Немноголюдны здешние окрестности, не часто приходят сюда люди. Летней порой местный рыбак взойдет на холм, присядет на каменную скамейку возле памятника. Зимней порой, прогоняя стадо, проедет мимо ненец на аргише — оленьей упряжке. Зимой пурги занесут, скроют памятник. Долго будут лежать снега, но придет весна, с первыми проталинами поплывут в голубом холодном небе белыми корабликами лебеди, как каждый год летят они над пустозерской землей...

Здесь, у памятника Пустозерску, вспоминая четырех с половиной вековую историю Городка, я думаю о том, что никакое человеческое деяние не проходит бесследно. Из жизни уходят люди, исчезают города, но память о них не исчезает и дела их продолжают. Всегда существует историческая преемственность. Экономические и географические причины привели к затуханию прежние центры Крайнего Севера, но те же причины привели к возникновению в наше время новых городов в Заполярье. Не прошла бесплодно и история Пустозерска, он оставил по себе преемника, новый город и порт на Нижней Печоре — Нарьян-Мар, что по-ненецки значит «Красный город».

Так заканчивается летописный свиток со сказанием о Пустозерске.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, с. 41.

² Максимов С. В. Год на Севере. Изд. 4-е. Спб., 1890, с. 508.

³ Там же, с. 500.

⁴ Там же, с. 508.

⁵ Лепехин И. И. Путешествия академика Ивана Лепехина. Ч. 4. Спб., 1805, с. 282.

⁶ Например, Тентюкова Ф. А. Из прошлого Коми края (материалы к своду памятников). Сыктывкар, 1976, с. 27. Помимо чисто стилистического анализа, совершенно игнорируются сведения, помещенные в «Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской епархии» (ч. 2. Архангельск, 1895). В частности, там сообщается, что сведения о древних ижемских храмах «к сожалению, не восходят далее 1700 г., когда, по рассказам старожилов, в Ижме был сильный пожар, истребивший большую часть домов и тогдашнюю церковь со всем ее имуществом». Там же определенно сказано, что Преображенский, нижний храм каменной церкви был освящен в 1821 г., «деревянный же Преображенский храм в 1829 г. был разобран».

К сожалению, такая же ошибка вкралась и в «Очерки по истории Коми АССР» (т. 1. Сыктывкар, 1955), где на с. 145 воспроизведен «Памятник народного деревянного зодчества XVII в. (церковь в с. Ижме, построенная в 1679 г.). Фото начала XX в.».

⁷ Чекалов А. К. Народная деревянная скульптура русского Севера. М., «Искусство», 1974, с. 142.

⁸ Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. М., Изд-во АН СССР, 1962, с. 120.

⁹ Жеребцов Л. Н. Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар, 1971, с. 65.

¹⁰ Голицын Н. Д. Обзорение Печорского края. Архангельск, 1888, с. 8.

¹¹ Карамзин Н. М. История Государства Российского, т. 6, М., 1903, с. 110.

¹² Текст второй жалованной грамоты Ластке (текст первой грамоты неизвестен) приведен в книге: «Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах». Ч. 2. Спб., 1853, с. 139—141.

¹³ Очерки по истории Коми АССР, т. 1. Сыктывкар, 1955, с. 82.

¹⁴ Малышев В. И. Указ. соч., с. 41.

¹⁵ Максимов С. В. Указ. соч., с. 441.

¹⁶ См.: Мартынов С. В. Печорский край. Ч. 1—2. Спб., 1905.

¹⁷ См.: Журавский А. В. Европейский русский север. Архангельск, 1911.

¹⁸ Максимов С. В. Указ. соч., с. 441.

¹⁹ См.: Ончуков Н. Е. О расколе на низовой Печоре. Спб., 1902.

²⁰ Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (ИРЛИ). Древлехранилище, ПС № 271.

²¹ Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении, под общ. ред. П. И. Семенова, т. 1, ч. 1. Спб.—М., 1881, с. 246.

²² Максимов С. В. Указ. соч., с. 441.

²³ Чекалов А. К. Указ. соч., с. 120, 122.

²⁴ Подробнее об этом см.: Тарановская Н. В. Мастера народных росписей по дереву на Печоре.— Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1975 г. М., 1976, с. 346—353.

²⁵ О современном печорском фольклоре см.: Красовская Ю. Сказители Печоры. М., «Сов. композитор», 1969; Песни Печоры. Под ред. Н. П. Колпаковой. М., Изд-во АН СССР, 1963.

²⁶ Арбат Ю. А. Светлый Север. Архангельск, 1970, с. 99.

²⁷ Текст «Повести о самосожжении в Мезенском уезде в 1743—1744 гг.» опубликован: Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники..., с. 186—191. В. И. Малышев предполагает, что автором повести был выговский писатель Иван Филиппов (1661—1744).

²⁸ Максимов С. В. Указ. соч., с. 444.

²⁹ См.: Колпакова Н. П. У золотых родников. Записки фольклориста. Л., «Наука», 1975.

³⁰ Ончуков Н. Е. Указ. соч., с. 9.

³¹ Там же, с. 10.

³² См.: Шахматов А. А. Повесть временных лет, т. 1. Пг., 1916, с. 293—294.

³³ Смирнов М. Переяславль Залесский, его прошлое и настоящее. М., 1911, с. 60.

³⁴ Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1909, с. 25.

³⁵ Герберштейн С. Записки о московитских делах. Спб., 1908, с. 132.

³⁶ Лашук Л. П. Очерки этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958, с. 78.

³⁷ Там же, с. 70.

³⁸ Там же, с. 81.

³⁹ Контекст знаменитой фразы Аввакума таков: «Мерзость запустения, непреподобно священство и прелесть антихристова на святом месте поставится, сиречь на олтари неправославныя служба, еже видим ныне збывшеяся. Иного же отступления уже нигде не будет: везде бо бысть, последняя Русь zde» (Послание к некому Иоанну — «Сочинения бывшего юрьевецкого протопопа Аввакума Петрова». М., 1916, с. 145). Приведенный текст почти буквально повторяется в «Послании в Москву из Пустозерска» диакона Федора (Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. Н. Субботина, т. 6. М. 1881, с. 65—66). Мысль о Руси как оплоте православной веры и о наступивших «последних временах» была общей для пустозерских узников.

⁴⁰ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., «Худож. лит.», 1960, с. 242. (Из «Послания верным»).

⁴¹ Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1. Вып. 1 (Сочинения Аввакума). Л., 1927, с. 704.

⁴² Житие..., с. 53 (вступление к «Житию»).

⁴³ Там же, с. 135 (беседа четвертая «Об иконном писании» из «Книги бесед»).

⁴⁴ В художественной литературе предпринимались попытки воссоединить образ Разина с Аввакумом (вопреки историческим фактам). Так, малоизвестный поэт второй половины XIX в. П. И. Капнист (не путать с известным поэтом конца XVIII в. В. В. Капнистом!) в своей трагедии «Стенька Разин» изображает посещение Разиным Аввакума в заключении, Аввакум благословляет Разина на борьбу. Яркий образ бунтаря-протопопа привлекал внимание многих писателей и художников. Привлекает и до сих пор. Интересующихся этим вопросом отсылаем к статьям В. И. Малышева «Библиография сочинений протопопа Аввакума и литературы о нем 1917—1953 годов» («Труды отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР [ТОДРЛ]», т. 10), «История «иконного» изображения протопопа Аввакума» (ТОДРЛ, т. 22).

⁴⁵ Житие..., с. 159 (из «Книги толкований»).

⁴⁶ Шренк А. Путешествие к северо-востоку европейской России. Спб., 1855, с. 537.

⁴⁷ История о невинном заточении боярина А. С. Матвеева, изданная Н. Новиковым. Спб., 1776, с. 127.

⁴⁸ Там же, с. 208.

⁴⁹ Ключевский В. О. Сочинения, т. 3. М., Госполитиздат, 1957, с. 354.

⁵⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 7. М., Соцэкгиз, 1962, с. 464.

⁵¹ Книга Николая Корнелиуса Витсена «Северная и Восточная Татария», изданная в Амстердаме в 1692 г., к сожалению, не переведена на русский язык. В ней опубликован единственный известный нам план Пустозерска XVII века. О возможном авторе чертежей в книге Н. Витсена, поляке на русской службе Станиславе Лопуцком, см. статью Б. П. Полевого «Документальное подтверждение гипотезы М. П. Алексеева (о русском источнике сочинения Н. Витсена)». — «Сравнительное изучение литератур» [сборник статей к 80-летию акад. М. П. Алексеева]. Л., «Наука», 1976, с. 74—81.

⁵² Житие..., с. 108.

⁵³ См.: Лепехин И. И. Путешествия академика Ивана Лепехина. Ч. 4, с. 276.

⁵⁴ Шренк А. Указ. соч., с. 537—538.

⁵⁵ Латкин В. Н. Указ. соч. Ч. 2, с. 24.

⁵⁶ Там же, с. 27.

⁵⁷ Там же, с. 28.

⁵⁸ Максимов С. В. Указ. соч., с. 450.

⁵⁹ Там же, с. 457.

⁶⁰ См.: Борисов А. А. У самоедов. От Пинеги до Карского моря. Спб., 1907, с. 14—16.

⁶¹ Энциклопедический словарь, изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. 50. Спб., 1898, с. 809.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА*

А в в а к у м, п р о т о п о п . Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., «Худож. лит.», 1960.

А р б а т Ю . А . Путешествия за красотой. М., «Искусство», 1966.

Б о р и с о в А . А . У самоедов. От Пинеги до Карского моря. Спб., 1907.

Г е р б е р ш т е й н С . Записки о московитских делах. Спб., 1908.

Г о л и ц ы н Н . Д . Обзорение Печорского края. Архангельск, 1888.

Г р и б о в а Л . С . Народное искусство коми. Сыктывкар, 1973.

Г р и б о в а Л . С . Пермский звериный стиль. М., «Наука», 1975.

Е р м и л о в Н . Е . Поездка на Печору. Путевые заметки. Архангельск, 1888.

Ж е р е б ц о в Л . Н . Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар, 1971.

Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Под общ. редакцией П. И. Семенова, т. 1; Северная Россия. Ч. 1. Север и северо-восток европейской России. Спб. — М., 1881.

Ж и л и н с к и й А . А . Крайний Север европейской России. Пг., 1918.

Ж у р а в с к и й А . В . Европейский русский Север. К вопросу о грядущем и прошлом его быта. Архангельск, 1911.

И с т о м и н Ф . М . Поездка в Печорский край летом 1889 года. Спб., 1890.

Книга Большому Чертежу. М. — Л., 1950.

К о л п а к о в а Н . П . Сквозь лесную проседь. Архангельск, 1935.

К о л п а к о в а Н . П . У золотых рудников. Л., «Наука», 1975.

* Обобщающих трудов о народном зодчестве, о народном творчестве Печоры пока не существует. Даже замечательная книга В. И. Малышева об устьилемских рукописных сборниках охватывает лишь часть печорского рукописного наследия. Поэтому материал приходится собирать буквально по крохам из самых разных книг. Этим объясняется разнообразие приводимого библиографического списка.

Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Ч. 1. Деревянное зодчество. Пг., 1916.

Красовская Ю. Сказители Печоры. М., «Сов. композитор», 1969.

Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 2. Архангельск, 1895.

Латкин В. Н. Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах. Изд. 1-е. Спб., 1852; изд. 2-е. Спб., 1905.

Лашук Л. П. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958.

Лепехин И. И. Путешествия академика Ивана Лепехина, т. 4, Спб., 1805.

Лузгин В. Е. Древние культуры Ижмы. М., «Наука», 1972.

Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. М., Изд-во АН СССР, 1962.

Максимов С. В. Год на Севере. Изд. 1-е. Спб., 1856; изд. 5-е. Спб., 1895.

Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960.

Малышев В. И. Древнерусские рукописи Пушкинского дома (обзор фондов). М. — Л., «Наука», 1965.

Малышев В. И. Статьи в Трудах отдела древнерусской литературы Института Русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Вып. 4, 6, 7, 8, 11, 12, 15, 16, 17, 18, 20, 24, 25, 26.

Мартынов С. В. Печорский край, т. 1, 2. Спб., 1905.

Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы [сборник]. М., «Наука», 1965.

Овсянников О. В. Люди и города средневекового Севера. Архангельск, 1971.

Ончуков Н. Е. О расколе на низовой Печоре. Спб., 1902.

Ончуков Н. Е. Печорские былины. Спб., 1904.

Очерки по истории Коми АССР, т. 1, 1955; т. 2, 1962, Сыктывкар.

Песни Печоры. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1963.

Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского дома. Л., «Наука», 1972 (приведена библиография трудов В. И. Малышева).

Тарановская Н. В. Росписи на Мезени и Печоре. — В кн.: Русское народное искусство Севера. Л., «Сов. художник», 1968.

Тарановская Н. В. Мастера народных росписей по дереву на Печоре. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1975 г. М., 1976.

Тентюкова Ф. А. Из прошлого Коми края (материалы к своду памятников). Сыктывкар, 1976.

Чекалов А. К. Народная деревянная скульптура русского Севера. М., «Искусство», 1974.

Шренк А. Путешествие к северо-востоку европейской России через тундры самоедов к северным уральским горам, предпринятое по высочайшему повелению в 1837 году Александром Шренком. Спб., 1855.

Энгельгардт А. П. Русский Север. Спб., 1897.

В книге использованы также материалы Древлехранилища Пушкинского дома (Института русской литературы АН СССР в Ленинграде) и материалы личного архива В. И. Малышева.

Автор выражает сердечную признательность сотрудникам Древлехранилища В. П. Будорагину и Г. В. Маркелову за помощь в работе.

Фотографии Ю. Д. Рыбакова и из фондов Пушкинского дома (Института русской литературы АН СССР в Ленинграде)

ГЕНРИХ ПАВЛОВИЧ ГУНН

ПО НИЖНЕЙ ПЕЧОРЕ

Редактор

Г. П. ПЕРЕПЕЛКИНА

Оформление серии художника

Ю. К. КУРБАТОВА

Рисунки к карте художника

Ю. И. РАППОПОРТА

Художественные редакторы

Е. Е. СМИРНОВ, Е. А. БЕЛОВ

Технический редактор

А. Н. ХАНИНА

Корректоры

Г. И. СОПОВА, Г. Я. ТРОИЦКАЯ

И. Б. № 772

Сдано в набор 23.05.78. Подп. к печ. 03.11.78. А07909. Формат издания $70 \times 90^{1/32}$. Бумага гтифдручная. Гарнитура школьная. Печать глубокая. Усл. печ. л. 5,85. Уч.-изд. л. 7,421. Изд. № 1240. Тираж 75 000 экз. Зак. 1756. Цена 50 коп. Издательство «Искусство», 103009 Москва, Собиновский пер., 3. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, проспект Ленина, 5.

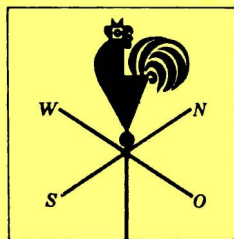

НИЖНЕПЕЧОРСКИЙ КРАЙ —
ИЖМА, УСТЬ-ЦИЛЬМА, ПУСТОЗЕРСК, —
ГДЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА
ВОЗНИКЛИ ПОСЕЛЕНИЯ РУССКИХ И КОМИ
ИМЕЕТ СВОЮ БОГАТУЮ ИСТОРИЮ
И ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА:
САМОВЫТНУЮ ПЕЧОРСКУЮ КНИЖНУЮ КУЛЬТУРУ,
ОТКРЫТУЮ УЧЕНЫМ-АРХЕОГРАФОМ В. И. МАЛЫШЕВЫМ,
НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ И ЗОДЧЕСТВО,
КОСТЮМЫ И ФОЛЬКЛОР.

50 коп.

ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ

ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ

ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ

ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ